Гоголь, какъ поэтъ

и

МЫСЛИТЕЛЬ-ХРИСТІАНИНЪ.

Рѣчь, читанная въ актовомъ залѣ Казанской духовной академіи 21 февраля 1902 года,

Проф. **А. А. Царевскимъ.**

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1902.

Печатать дозволяется. Ректоръ академіи Епископъ **Алексій**.

Ровно 50 лѣтъ тому назадъ, въ 1852 г., 21 февраля, утромъ, на скромной своей квартирѣ, въ Москвѣ, тихо и незамѣтно уснулъ вѣчнымъ сномъ долго предъ тѣмъ болѣвшій и почти всѣми забытый, одинокій, Николай Васильевичъ Гоголь. Такъ же тихо и скромно, безъ всякой помпы, даже безъ обычныхъ въ такихъ случаяхъ рѣчей, состоялось чрезъ два дня погребеніе покойнаго въ университетской церкви. Затѣмъ, нѣсколько человѣкъ его друзей и знаемыхъ да небольшая кучка студентовъ проводили колесницу погребальную до Данилова монастыря, подъ мирною сѣнію храмовъ и стѣнъ котораго изболѣвшее, изстрадавшееся тѣло Николая Васильевича нашло себѣ вѣчное упокоеніе. Общество интеллигентное довольно равнодушно отнеслось къ свершившемуся факту смерти Гоголя, а нѣкоторые, даже изъ ближе къ нему стоявшихъ и больше его знавшихъ, чуть ни обрадовались кончинѣ этого, какъ они тогда говорили, несчастнаго, неизлѣчимаго, полусумасшедшаго человѣка. Повидимому, не поняли тогда и не взяли въ толкъ, что въ смерти Гоголя совершилось въ высокой степени горестное событіе, произошла величайшая утрата, что рушился одинъ изъ основныхъ устоевъ, коренныхъ столповъ русской сло-

весности, что въ землю зарыта могущественная сила, основательнѣйшая слава и великое будущее русской поэзіи. Самые авторитетные судьи и самые прозорливые критики убѣжденно заявили еще задолго до смерти Гоголя объ его ненормальности душевной, что-де, поэтому, онъ для Россіи уже погибъ, что онъ пережилъ себя, что ждать отъ него больше ужъ нечего. Опрометчивый и обидный судъ этотъ о Гоголѣ произнесенъ былъ еще во услышаніе его самого, и, безъ провѣрки, усвоенъ былъ всѣми на Руси, проникъ во всѣ курсы и учебники по исторіи русской словесности; упорно такой взглядъ на Гоголя повторяется и въ самоновѣйшихъ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ, каковы напр. книги О. Миллера или въ 1899 г. вышедшая Исторія русской литературы Пыпина, или въ 1900 г. изданная двѣнадцати-томная Исторія русской словесности П. Полевого.

Не избалованный счастіемъ въ жизни своей, Гоголь предугадалъ эту печальную участь свою и посмертную: „имя мое, сказалъ онъ, дойдетъ до потомства оклеветаннымъ“. Но вѣря въ существованіе правды на землѣ, Гоголь предвидѣлъ также и то, что рано или поздно придетъ же время и заблужденіе относительно его разсѣется и что это „потомство“ оцѣнитъ его; поэтому, переживая всю горечь наносимыхъ ему обществомъ и друзьями обидъ, онъ сказалъ: „я знаю, что имя мое послѣ меня будетъ счастливѣе меня“. И это время выясненія истины о Гоголѣ и воздаянія ему по праву и заслугамъ его, кажется, ужъ наступило. Въ послѣдніе годы уже стали раздаваться робкіе и одинокіе го-

лоса о свойствахъ мнимаго сумасшествія Гоголя. Нынѣшнее же общерусское торжественное поминовеніе Гоголя даетъ поводъ къ пересмотру всей Гоголевской исторіи. Хочется вѣрить, что вполнѣ неразгаданная въ свое время и униженная личность великаго сына Россіи возстанетъ сегодня въ представленіи русскихъ людей въ новомъ и правдивомъ освѣщеніи, поднимется завѣса съ этой, какъ выразился еще Погодинъ, „особливой, таинственной и мудреной для уразумѣнія натуры“, и мы будемъ знать настоящаго Гоголя, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и, значитъ, будемъ цѣнить его еще гораздо больше, чѣмъ теперь.

Съ своей стороны я и не помышляю въ эти немногія минуты бесѣды моей пускаться въ общую оцѣнку поэтическаго творчества Гоголя и хотя бы въ краткій анализъ его произведеній, что могло бы утомить наше празднично настроенное вниманіе сухими критическими подробностями. И не похвальную рѣчь принесу я Гоголю на этой торжественной тризнѣ его, потому что Гоголь меньше всякаго нуждается въ чьихъ бы то ни было похвалахъ. Гоголь нуждается пока только въ правдѣ, въ справедливости; и вотъ на эту правду относительно его я и хотѣлъ бы только обратить вниманіе своихъ слушателей; эту многолѣтнюю, больше чѣмъ полувѣковую несправедливость въ отношеніи къ Гоголю, т. е. собственно ко второй половинѣ его литературной дѣятельности, я и хотѣлъ бы только поставить на видъ. Но можно ли въ нынѣшній Гоголевскій день обойти молчаніемъ и первыя его поэтическія созданія? Какъ нынѣ лишить себя удовольствія доб-

рымъ словомъ помянуть въ Гоголѣ и то, съ чѣмъ всѣ мы свыклись, душою сроднились, съ чѣмъ связаны неизгладимо пріятныя впечатлѣнія и дорогія наши воспоминанія?! Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ не наслаждался Гоголемъ? Найдется ли такой интеллигентный русскій человѣкъ, который не обязанъ былъ бы Гоголю хоть нѣсколькими въ жизни своей часами высокаго наслажденія, истиннаго удовольствія?! Безспорно, Гоголь занимаетъ одно изъ самыхъ центральныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ немногихъ классиковъ нашей поэзіи, на которыхъ мы учились и выростали, книги которыхъ насъ поучали и занимали, развлекали и забавляли; общіе друзья нашей юности, они навсегда для насъ остались близкими сердцу любимцами; встрѣча съ книгою, сочиненіемъ такого писателя пріятна намъ, какъ встрѣча съ старымъ знакомцемъ и пріятелемъ. На всю жизнь для насъ незабвенные, писатели эти говорятъ прямо сердцу нашему изъ за предѣловъ времени, изъ отрадной и родной намъ глубины прошлаго, всегда напоминаютъ каждому изъ насъ о той для всякаго пожившаго человѣка плѣнительной, какъ бы сказочной, безвозвратно минувшей порѣ, когда какъ то особенно тепло и уютно, вѣсело и поэтично, въ старину живали наши дѣды и отцы. Такимъ образомъ, настоящее торжественное воспоминаніе о Гоголѣ не есть для насъ сюжетъ мертвый и холодный, безучастный, это не бездушная для насъ и отшедшая старина, искусственно извлекаемая изъ мрака минувшаго, а это фактъ и нашего настоящаго, задѣвающій живыя и звучащія струны сердца нашего: оффиціальное торжество естественно превра-

щается въ сердечное и теплое воспоминаніе о человѣкѣ намъ близкомъ, дорогомъ, родственномъ; мы всѣ еще живемъ подъ обаяніемъ Гоголя, мы всѣ еще въ общеніи съ его геніемъ, мы всѣ еще—его, такъ сказать, живое безсмертіе.

Итакъ, прежде всего бѣглымъ взоромъ вспомнимъ въ Гоголѣ его общеизвѣстное и общепризнанное, безспорно великое и увлекательное.

I.

Вотъ первыя творенія Гоголя, его разсказы изъ малороссійской жизни,—эти неподражаемые фарсы, которые имѣютъ удивительное свойство смѣшить до слезъ людей самыхъ серьезныхъ. Смѣхотворные, бойкіе и дышащіе молодымъ, свѣтлымъ одушевленіемъ, разсказы эти льются обильно, звонко, всѣхъ увлекая и заражая своимъ весельемъ. Полные смѣлыхъ вымысловъ и увлекающаго интереса, живыхъ, во очію движущихся образовъ и реальныхъ, а въ тоже время полуфантастическихъ типовъ, разсказы эти дышатъ живымъ, искреннимъ, такъ сказать, стихійнымъ малороссійскимъ юморомъ, о которомъ дотолѣ и не слыхано было въ русской литературѣ. На каждой страницѣ, если только не въ каждой строкѣ, тутъ слышится и сообщается читателю тотъ „добрый, свѣтлый смѣхъ“, которымъ, какъ говорилъ потомъ самъ Гоголь, „можетъ засмѣяться только глубоко-добрая душа“. Въ полныхъ своеобразной прелести и очаровательной поэзіи картинахъ Го-

голь широко развернулъ въ своихъ повѣстяхъ предъ публикою русскою цѣлый міръ новыхъ, родныхъ ему-то самому, впечатлѣній и новыхъ, завѣтныхъ его сердцу, звуковъ. Какое полное погруженіе въ бытъ своего народа и какое глубокое чувство любованія этимъ бытомъ потребны были для того, чтобы создать и старосвѣтскихъ помѣщиковъ и великолѣпную Солоху, и Хому Брута съ вѣдьмою сотничихою, и чудную эпопею о Бульбахъ, и всѣ вообще эти сцены и картины, въ которыхъ такъ и дышетъ, живетъ Малороссія съ ея чарующей природою! Все это есть невольно подкупающій свѣжестью и искренностію авторскаго лиризма поэтическій отголосокъ кровной связи Гоголя съ своей милою родиною, все это—олицетвореніе въ поэтическихъ образахъ и словахъ особенной, именно малороссійской влюбленности автора въ своихъ земляковъ, въ свои широкія степи, въ свои бѣлыя хаты, въ мелодичные малороссійскіе напѣвы. Начитавшись „Вечеровъ на хуторѣ“, наглядѣвшись мысленно на этихъ оригиналовъ украинцевъ и вдоволь надъ ними нахохотавшись, русскіе люди, благодаря Гоголю, сроднились съ ними душою; сквозь заразительный смѣхъ зародилось и стало больше и больше наружу пробиваться и въ русскихъ людяхъ чувство какого-то необъяснимаго влеченія къ этимъ живымъ и симпатичнымъ людямъ, къ этимъ ярко освѣщеннымъ и тепло, задушевно очерченнымъ образамъ, къ этому полному своеобразной поэзіи міру. Чрезъ Гоголя Россія полюбила Украйну, чрезъ Гоголя послѣдняя стала и намъ не только знакомою, но родною и милою страной.

Но Гоголь принадлежалъ къ тѣмъ украинцамъ, которые при горячей любви къ Малороссіи умѣли искренно, горячо полюбить и всю свою великую родину, всю Россію. Слѣдующіе сборники повѣстей Гоголя выходятъ изъ тѣснаго круга малороссійскихъ сюжетовъ и живописуютъ вообще русскій бытъ и русскихъ людей. Притомъ, начавши свѣтлыми картинами и образами, въ которыхъ еще не было ничего горькаго и желчнаго, Гоголь, выроставшій духовно среди грустной и для него неудачливой обстановки житейской, скоро открылъ въ себѣ элегическую ноту, которая и зазвучала у него все печальнѣе и печальнѣе. Слѣдовавшій потомъ рядъ „Петербургскихъ повѣстей“ заключаетъ въ себѣ цѣлое богатство чертъ и красокъ, реальныхъ и все больше грустныхъ подробностей нашей столичной и провинціальной жизни. Столько тутъ остроумія и психологической глубокой проницательности, столько жалкаго и печальнаго, комическаго и трагическаго, что это тоже явилось еще небывалымъ дотолѣ откровеніемъ художественнаго творчества, это—такой захватъ и многозначительный анализъ жизни, какого еще не знала наша литература. Другою формою того же содержанія явились комедіи Гоголя, насколько великія въ художественномъ отношеніи, настолько же и самобытныя, оригинальныя, превосходящія все въ этомъ родѣ имѣвшееся въ русской словесности, не исключая и безсмертной комедіи Грибоѣдова, которая возникла еще на иной, старой почвѣ и въ своемъ содержаніи, характерѣ и стилѣ еще связана съ прежними литературными традиціями. Наконецъ, вѣнцомъ творчества Гого-

левскаго явилась его великая поэма „Мертвыя души“— эта, какъ ее называли у насъ, многознаменательная и грустная „симфонія русской жизни“. По богатству и разнообразію содержанія, силѣ и мощи изобразительнаго творчества, а особенно по силѣ мысли авторской, этого внутренняго освѣщенія, приданнаго Гоголемъ широко начертанной имъ картинѣ, „Мертвыя души“ были настолько самобытнымъ, оригинальнымъ и великимъ созданіемъ, что напр. Пушкинъ, самъ давшій и мысль о такой поэмѣ Гоголю, былъ пораженъ ею, какъ произведеніемъ, превысившимъ его замыслы, неожиданнымъ и истинно великимъ.

Въ указанныхъ произведеніяхъ Гоголя во всей силѣ и красѣ развернулись тѣ свойства его дарованія, которыя и создали ему, можно сказать, царственное положеніе въ русской словесности. Тутъ обнаружился, такъ и прозванный, Гоголевскій натурализмъ, который увлекъ всѣ таланты русскіе на путь подражанія Гоголю и поставилъ его во главѣ нашей новѣйшей словесности. Тутъ и неподражаемый Гоголевскій юморъ—предметъ только грезъ и зависти, стремленій и въ большинствѣ случаевъ тщетныхъ усилій для прочихъ нашихъ писателей. Какъ основатель натурализма въ нашей литературѣ, Гоголь тѣмъ возвысился надъ Пушкинской художественностію, что, не ограничиваясь общею рисовкою натуры, крупною и потому естественно болѣе или менѣе поверхностною картиною дѣйствительности, углубился въ живописи натуры до мелочей, частностей, деталей. Онъ знаетъ и рисуетъ весь бытъ, всю обстановку своихъ героевъ до послѣдней черточки,

онъ захватываетъ и отдѣльныя сцены, эпизоды, мгновенія, онъ отмѣчаетъ. повидимому, случайныя и ничтожныя подробности, — а это-то все въ совокупности и придаетъ картинѣ жизнь и реальность, могущественную силу правды, превращаетъ сухое описаніе какъ бы въ нѣкое ясновидѣніе описаннаго. Трудно представить себѣ образы, болѣе отчетливые, краски болѣе яркіе Гоголевскихъ. Именно будто видишь все происходящее, слышишь и наблюдаешь все художникомъ-поэтомъ передаваемое; какъ будто имѣешь дѣло съ живыми людьми и притомъ созерцаешь ихъ гораздо яснѣе, чѣмъ умѣешь видѣть въ дѣйствительной жизни; различаешь, представляешь не только образъ выраженій и чувствъ каждаго дѣйствующаго лица, но и манеры, и жесты, и походку. Это—своего рода чудо искусства: схвачены не отдѣльныя черты, а цѣликомъ охвачена вся та, такъ сказать, жизненная атмосфера, которая болѣе или менѣе отлична и своеобразна около каждаго человѣка. Эти одухотворенные авторомъ, выпуклые, рельефные образы его, какъ бы изваянные, монументальные типы его, производятъ неотразимое впечатлѣніе на читателя. Послѣдній не въ силахъ уже не вѣрить въ ихъ правду, жизненность, реальность; они такъ для него являются несомнѣнными, истинными, въ такой мѣрѣ натуральными, что, кажется, можно осязать ихъ руками. Попробуйте, напримѣръ, увѣрить себя, что никакого Аѳанасія Ивановича съ Пульхеріею Ивановною не было, что это ложь, одна фантазія: да, мы знаемъ, что это выдумка Гоголя, но какою-то глубокою сущностію своею мы знаемъ также и то, что

эта выдумка вѣрна и реальна не меньше всякой были. Въ самомъ дѣлѣ, какъ усомниться, какъ не повѣрить въ существованіе Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, когда и они, и величавая фигура Тараса Бульбы, и кузнецъ Вакула, и кучеръ Селифанъ, и т. д., даже и эти совсѣмъ эпизодическіе встрѣчные мужики, съ обычной русской словоохотливостію пережовывавшіе Чичикову одну и туже фразу, что Заманиловки нѣтъ, никакой Заманиловки совсѣмъ нѣтъ, что есть только Маниловка и т. д.,—все это суть живые люди, которые смотрятъ на насъ со страницъ Гоголя, смотрятъ такъ полно и жизненно. которые уже заручились нашимъ вниманіемъ, симпатіями и участіемъ, такъ что не только они извѣстны намъ и мы, конечно, сразу узнали-бы ихъ при встрѣчѣ въ жизни, а—именно знакомы намъ, близки, до нѣкоторой степени какъ бы родственны!

И, какъ въ дѣйствительной жизни вся окружающая насъ среда и обстановка по большей части блѣдна, сѣра, безцвѣтна, такъ и эти герои и факты, развертывающіеся предъ нами въ произведеніяхъ Гоголя, и безцвѣтны и не интересны; однако мы, благодаря Гоголю, замѣтили ихъ, помнимъ ихъ, мы даже принимаемъ сердечное участіе въ судьбѣ ихъ.... Гоголь не далъ намъ, кажется, ни одного эффектнаго лица, событія, ни одной трагической сцены, у него полное отсутствіе событій и какихъ либо катастрофъ. При такой безцвѣтности матеріала другой писатель, бездарный, уморилъ бы насъ скукою, а у Гоголя не найти ни одной скучной страницы, и при встрѣчѣ съ его

книгою, въ десятый и въ сотый разъ трудно бываетъ оторваться и не прочитать Гоголевскаго интереснѣйшаго сообщенія о совсѣмъ неинтересныхъ вещахъ. Такова необъяснимая, но могучая сила истиннаго, крупнаго поэтическаго дарованія. Гоголь невольно привлекаетъ вниманіе къ своимъ книгамъ, заставляетъ по нимъ узнавать нашу русскую Россію. Сочиненія его суть запечатлѣнныя на вѣки живыя, схваченныя поэтомъ въ натуральной наготѣ ихъ, страницы русскаго быта; это настоящій художественный курсъ русской жизни, ея лѣтопись, хотя и не всесторонняя, но зато освѣщенная Гоголемъ, можно сказать, съ яркостью солнечныхъ лучей.

Правда, картина жизни русской, начертанная Гоголемъ, не полная, односторонняя. Ему пала тяжелая, по его собственному сознанію, доля быть живописателемъ дѣйствительности печальной, вопіющей, пошлой, изобразителемъ прозы жизненной, той трясины суетной, въ которую засасываются люди и въ которой гибнутъ и заглыхаютъ всѣ добрые ихъ инстинкты, силы и дарованія. Вслѣдъ за Грибоѣдовымъ и прочими нашими сатириками, Гоголь имѣлъ мужество выступить совѣстію русскаго общества и ярко освѣтить ему горькую правду жизни, дерзнулъ, по его собственнымъ словамъ, выпукло и ярко выставить на всенародныя очи зло жизни презрѣнной и типы людей недостойныхъ. Самъ Гоголь завидовалъ писателямъ, которые говорятъ только однѣ пріятности, потому что всякіе упреки, отрицанія, порицанія и читателямъ не пріятны да и самому автору мучительны. Извѣстно, какъ эти коми-

ческія и сатирическія сцены, доставляющія намъ высокое художественное наслажденіе въ книгахъ Гоголя, какъ они его самого, въ моменты творчества ихъ, раздражали, терзали, надрывали. Но общественный подвигъ Гоголя, обратившаго взоръ свой на несовершенство русской жизни, не ниже, а въ общей экономіи прогресса русскаго даже выше и полезнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, натуралистическое обличительное направленіе, такъ пришедшееся ко двору на Руси и верховнымъ представителемъ котораго явился Гоголь, исполнило дѣло великаго значенія и важности. Оно дало возможность русскимъ людямъ взглянуть на себя, какъ въ зеркалѣ увидѣть свои недостатки, сознать ихъ, а слѣдовательно — и принять усилія къ самоисправленію. Изобличенія общественныхъ язвъ въ произведеніяхъ художественныхъ явились какъ бы сказавшеюся устами поэта публичною исповѣдью общества, выраженіемъ негодующаго и скорбящаго самопознанія общественнаго. Служительница вѣчной красоты и свѣта, поэзія и должна всегда сопровождать своимъ отзвукомъ и озареніемъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя стороны человѣческой жизни. Если есть безконечная красота въ правдѣ, гармоніи, въ поэзіи жизни дѣйствительной, то есть красота-же высокая и въ покаяніи, возстановляющемъ правду и гармонію жизни, подъемлющемъ человѣка и общество къ нравственному совершенству. Въ поэзіи вѣчное, святое и идеальное постоянно ниспукается до временнаго и несовершеннаго, съ цѣлью облагороженія послѣдняго и превращенія его въ идеальное-же.

Заслугу Гоголя, сказавшуюся въ рѣшимости его освѣтить пошлость и недостатки въ русской жизни, многіе у насъ, какъ извѣстно, вмѣняли въ вину Гоголю; многіе склонны были усматривать въ сочиненіяхъ Гоголя даже клевету на дѣйствительность, преднамѣренное опозореніе Россіи и т. п. Но это было чистое недоразумѣніе: ясное дѣло, виновенъ въ этомъ вскрывшемся на страницахъ Гоголя обиліи пошлости не авторъ, а виновна именно та среда, изображеніе которой было „подвигомъ“ Гоголя и которая въ дѣйствительности, въ жизни была несомнѣннымъ преобладающимъ царствомъ пошлости и всякаго рода несовершенствъ. Было бы наоборотъ, очевидною ошибкою со стороны Гоголя и намѣренной клеветой на дѣйствительность, если бы онъ приписалъ доблести и совершенства лицамъ, не получившимъ ни воспитанія, ни образованія и всю жизнь вращающимся только въ тинѣ и грязи житейской, каковы и есть всѣ его герои. Если Гоголь, въ интересахъ болѣе выпуклой и рельефной обрисовки жизненнаго типа, сконцентрировывалъ бытовыя черты, или, какъ говорятъ, сгущалъ краски, то все же онъ никогда не переступалъ границы естественности и правдоподобія, и напр. въ наиболѣе утрированной, какъ можетъ на первый взглядъ показаться, личности Плюшкина ни единой черточки не найти придуманной, сочиненной, не взятой прямо изъ жизни и невозможной въ скупцѣ. Наконецъ, нельзя забывать того, что Гоголь не закрываетъ глаза и на доброе, симпатичное, гдѣ оно въ дѣйствительности встрѣчается и существуетъ. Создавши Хлестакова, Чичикова, Мани-

лова, Коробочку и массу другихъ отрицательныхъ типовъ, которые, въ силу своей многочисленности, даютъ преобладающій тонъ жизни, Гоголь написалъ также и „Тараса Бульбу“, поэму, герой и второстепенныя лица которой могутъ быть разсматриваемы какъ характеры высокіе, даже типы трагическіе. Дѣло только въ томъ, что Тарасъ Бульба, не будучи олицетвореніемъ какого либо одного качества, какъ это обыкновенно наблюдается и въ дѣйствительности, представляетъ въ себѣ правдиво-натуральное, жизненное сочетаніе трагическаго величія съ комизмомъ; оба эти противоположные элементы слились въ немъ цѣлостно и неразрывно въ единую, замкнутую въ себѣ личность, которой мы и удивляемся, ужасаемся, и надъ которой въ то же время потѣшаемся, смѣемся. Да и въ такихъ повѣстяхъ, гдѣ на первомъ планѣ всевластно царитъ пошлость, и то нерѣдко у Гоголя выступаетъ элементъ трагическій: развѣ смѣхотворные „Старосвѣтскіе помѣщики“ или изображеніе омута человѣческой пошлости—„Шинель“—не оканчиваются форменною трагедіей? Даже не только въ окончаніи, а и на всемъ протяженіи этихъ повѣстей, какъ и всѣхъ вообще твореній Гоголя, развѣ не чувствуется обаяніе теплаго авторскаго чувства, которое сообщаетъ совсѣмъ особое, умиротворяющее освѣщеніе всей непривлекательной картинѣ и набрасываетъ на нее мягкій тонъ, нѣжный, симпатическій флеръ. Въ характеристикѣ своихъ далеко несовершенныхъ героевъ Гоголь отмѣчаетъ и хорошее, располагающее, что напримѣръ такъ привлекаетъ насъ къ старосвѣтскимъ помѣщикамъ, что заставляетъ насъ

такъ глубоко сострадать имъ и Акакію Акакіевичу и подобнымъ. На общемъ темномъ фонѣ картины у Гоголя выступаютъ и свѣтлые лучи, въ испорченную атмосферу описаннаго имъ царства пошлости онъ сплошь и рядомъ пускаетъ струю свѣжаго, чистаго воздуха.

Наконецъ, всегда и неизмѣнно свѣтлымъ, положительнымъ элементомъ въ сочиненіяхъ Гоголя выступаетъ его любовь къ родинѣ и любовь къ природѣ вообще. Гоголь отдыхаетъ на созерцаніи этихъ объектовъ своей любви и нерѣдко допускаетъ полныя глубокаго лиризма отступленія въ сторону ихъ. Въ такомъ случаѣ сатира переходитъ у Гоголя прямо въ гимнъ, славословіе, восторженное восхваленіе; въ словахъ и обращеніяхъ его къ природѣ и къ Россіи звучитъ самое нѣжное умиленіе, страстное чувство человѣка влюбленнаго. Припомните Гоголевское описаніе Днѣпра, русской дороги, шири-раздолья, русской тройки, его воззванія, какъ къ личному существу, къ Россіи, а также напр. его статьи—о русской поэзіи, „Нужно любить Россію“, „Нужно проѣздиться по Россіи“ и пр. Природа сама по себѣ являлась для Гоголя какъ бы живымъ, одухотвореннымъ существомъ, полнымъ дивныхъ таинъ и вѣчной красы и гармоніи. Картины природы у Гоголя дышатъ очарованіемъ, нѣгою и поражаютъ яркими, вѣрными красками, смѣлыми, мѣткими сравненіями. Не даромъ эти картины, создающія иллюзію полнаго правдоподобія, заставили когда-то Бѣлинскаго воскликнуть, что „степи Гоголя лучше степей Малороссіи“. Что касается Россіи, то и при

ея, отлично вѣдомыхъ Гоголю, несовершенствахъ и неблагоустройствѣ, она представлялась ему живымъ, великимъ колоссомъ, полнымъ могущественныхъ, неисчерпаемыхъ силъ и дарованій, съ свѣтлымъ и великимъ будущимъ впереди. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ о Россіи Гоголь является олицетвореніемъ беззавѣтной, кровной, дышащей страстною нервностію любви къ отечеству, такой любви, которая исключала возможность какихъ бы то ни было этнографическихъ сопоставленій и сравнительныхъ оцѣнокъ, которая не отдавала предпочтенія никакимъ чужестраннымъ красотамъ предъ безконечными степями своей родины. Какъ и всякая истинная любовь, всегда болѣе или менѣе застѣнчивая, стыдливая, любовь Гоголя къ Россіи скрывалась, таилась въ его словахъ сатиры и насмѣшки, недовольства и порицанія, но зато бывали—и не рѣдко—моменты, когда она неудержимо и откровенно, со всею силою вырывалась у него наружу и изливалась въ его знаменитыхъ лирическихъ порывахъ, обращеніяхъ къ Россіи, въ страстныхъ призывахъ къ русскимъ людямъ „возлюбить свою Россію“, въ его энергичныхъ протестующихъ рѣчахъ противъ „опекунскаго совѣта Запада, приносящаго много зла Россіи“, противъ всяческихъ „иноземныхъ снадобій, только портящихъ русскихъ людей“ и т. д.

II.

Самая высшая красота и сила Гоголя — въ его лиризмѣ, задушевности, въ любви его къ человѣку, или

вообще, какъ все это принято однимъ словомъ выражать, въ неподражаемомъ и несравненномъ юморѣ его сочиненій. Лиризмъ, это высшее качество поэтическихъ произведеній, лиризмъ, этотъ драгоцѣнный и никогда не поддѣльный даръ Божій въ наиболѣе совершенной и содержательной душѣ человѣческой,—является, такъ сказать, стихійнымъ свойствомъ, прирожденною способностію Гоголя. Склонность къ лиризму, присутствіе этого дара въ Гоголѣ сказываются съ самаго начала, какъ только мы можемъ знать Гоголя. Лиризмомъ дышатъ всѣ его еще нѣжинскія (значитъ, дѣтскія) письма и первые опыты его начинающей музы. Лиризмъ примѣшиваетъ грустную и такую подкупающую нотку къ самому ослѣпительному, самому беззавѣтному смѣху „Вечеровъ на хуторѣ“; онъ звучитъ, далѣе, уже цѣлымъ аккордомъ въ Петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя, и, наконецъ, онъ прямо диктуетъ эти многочисленныя, прекраснѣйшія отступленія, такъ и называемыя лирическія мѣста „Мертвыхъ душъ“. Словомъ, всегда и вездѣ изъза книги Гоголя вырисовывается и стоитъ неотступно предъ читателемъ въ высокой степени симпатичный образъ самого Гоголя, человѣка увлекательной красоты душевной, и его задумчивый, осмысленный взглядъ, его личная тихая грусть придаютъ рѣчамъ его особенную прелесть. Всегда онъ самъ дѣлится своею душою съ читателемъ, бесѣдуетъ съ нимъ, если не разсужденіями, то образами, которые суть воплощеніе его мыслей и чувствъ. Поэтому-то образы и типы Гоголя не суть бездушная фотографія съ натуры, это не мертвые снимки и сколки съ дѣйствительности, а жи-

вые люди, одухотворенныя существа, причемъ авторъ глубоко заглядываетъ въ сущность ихъ, такъ что, по его собственнымъ словамъ, вся ихъ „душа просвѣчиваетъ“ и обнажается предъ читателемъ.

Не весела эта картина, развертывающаяся, по волѣ Гоголя, предъ читателемъ; только ужасъ и содраганіе можетъ вызвать жизнь и дѣятельность и вся подноготная героевъ и образовъ Гоголевскихъ. Но какъ же относится самъ-то авторъ къ своимъ созданіямъ и откровеніямъ? Конечно, какъ все вообще ненормальное, необычное и не соотвѣтствующее своему назначенію, идеалу, въ силу общаго психическаго закона, порождаетъ смѣхъ, такъ и картины Гоголя смѣхотворны и въ высокой степени комичны. Но въ томъ и величайшее преимущество Гоголя предъ всемірными комиками, что однимъ смѣхомъ у него дѣло не ограничивается. Безъ словъ и поясненій, такъ сказать, между строкъ, но тѣмъ не менѣе ясно для всякаго мыслящаго читателя, авторъ много и скорбно задумывается надъ болѣзненными явленіями жизни, имъ такъ, повидимому, беззаботно и забавно описанными. Смѣхъ Гоголя не безсмысленный и плоскій, а смѣхъ, какъ самъ авторъ опредѣлилъ его, „честный“, смѣхъ благородной, высокой души, глубоко возмущенной и потрясенной несовершенствомъ окружающихъ людей и ихъ жизнедѣятельности; въ такомъ смѣхѣ для сколько нибудь проницательнаго читателя, не скользящаго только вниманіемъ по книгѣ, а размышляющаго по поводу написаннаго, ощутительно чувствуется скорбь авторская, слышатся его „незримыя міру слезы“. Подъ смѣхомъ Го-

голя разлита такая глубина задушевной теплоты, искренняго состраданія къ обездоленному человѣчеству, что такъ и чувствуется въ книгѣ Гоголя это біеніе горячаго сердца, умѣющаго безконечно любить и безконечно жалѣть, прощать. И чѣмъ ниже, пошлѣе и, повидимому, смѣшнѣе картины, нарисованныя Гоголемъ, тѣмъ очевиднѣе въ нихъ вопль души его, крикъ изстрадавшагося его сердца. Такъ, сквозь смѣхъ, Гоголь жгучими слезами плачетъ надъ Акакіемъ Акакіевичемъ, надъ „пріобрѣтателемъ“ Чичиковымъ, надъ художникомъ и дѣвицами въ „Невскомъ проспектѣ“, надъ чудачествами и глупостію поссорившихся изъза нелѣпаго, ничего незначащаго слова пріятелей, надъ погибшими отъ застоя мысли и добровольно примѣнившимися скотамъ несмысленнымъ старосвѣтскими помѣщиками и т. д. и т. д. А иногда плачъ этого геніальнаго ума и богато-одареннаго сердца выступаетъ и совсѣмъ уже прозрачно, откровенно, какъ напр. въ лирическихъ отступленіяхъ „Мертвыхъ душъ“, въ рѣчи 1-го комическаго актера „Развязки къ Ревизору“, во множествѣ писемъ Гоголя, и, наконецъ, плачъ Гоголевскій совсѣмъ заглушаетъ собою веселье, сгоняетъ остатки „смѣха“ въ его „Авторской исповѣди“ и въ „Перепискѣ съ друзьями“. Несомнѣнно, до Гоголя никто еще у насъ такъ горько не плакалъ надъ несовершенствомъ человѣческимъ, да и послѣ Гоголя изъ преемниковъ его очень немногимъ удалось наслѣдовать это драгоцѣннѣйшее свойство его поэтическаго генія.

Чтобы стать въ такое отношеніе къ слабостямъ и несовершенству людскому, такъ смотрѣть и относиться

къ явленіямъ пошлой жизни, нужно было имѣть въ душѣ своей непочатый запасъ смиренномудрія и воспитать въ сердцѣ своемъ великую силу христіанской любви къ ближнему. Любовь, этотъ вѣнецъ истинной мудрости и заслугъ всякаго таланта, эта святыня, собою все освящающая и возвышающая, чистая, всепрощающая, святая любовь къ людямъ и была самою сильною силою и самымъ мощнымъ могуществомъ Гоголя. Онъ и смѣялся и плакалъ надъ всѣмъ, позорящимъ человѣка, только потому, что любилъ человѣка, жалѣлъ человѣка и самозабвенно желалъ ему блага, исправленія, совершенствованія; въ писаніи сатиръ на людей Гоголя одушевляла мечта о лучшемъ будущемъ человѣчества; отрицательнымъ путемъ онъ велъ русскихъ людей къ идеалу, боролся и страдалъ изъза идеала, силился смести съ лица земли родной все, что на ней заслоняло и туманило святыню идеала. Гоголь безпощадно обрушивался на людей порочныхъ, унизившихся до скотоподобія,—во имя любви и сожалѣнія къ этимъ падшимъ людямъ, невмѣняемымъ, невѣдящимъ, что творятъ они. Во имя любви христіанской и возвышенной чистоты нравственной, которыми всю жизнь свою горѣлъ и свѣтилъ самъ Гоголь, онъ не безъ горечи заглянулъ въ потемки русской жизни и—явился у насъ на Руси первымъ столь громкимъ глашатаемъ, апостоломъ общественнаго соболѣзнованія и состраданія. Вѣяніе духа евангельскаго, любви христіанской въ книгахъ Гоголя оправдываетъ его смѣхъ, облагораживаетъ его реализмъ и неизмѣримо возвышаетъ его, какъ и его преемниковъ въ русской поэзіи, надъ про-

славленными реалистами западноевропейскими (Флоберъ, Золя и др.).

Въ лиризмѣ, задушевности, въ всепроникающемъ собою чувствѣ любви, словомъ, въ юморѣ Гоголя не только его высшая красота и неотразимая прелесть, но и сила вліянія его на публику. Энергія авторской мысли и чувства, какъ непонятная сила, какъ электрическій токъ, дѣйствуетъ на читателя, авторское одушевленіе передается, и между читателемъ и авторомъ устанавливается таинственная симпатическая связь; первый сживается со вторымъ, какъ съ близкимъ, прекраснымъ своимъ другомъ.

Въ связи съ поэтической прелестью и очаровательною художественностію внѣшней отдѣлки, внутренній голосъ авторскій, эта симпатичная, подкупающая, такъ сказать, душа сочиненій Гоголя не только дѣлаетъ разсказы его о самыхъ наиобыденныхъ и притомъ отталкивающихъ лицахъ и явленіяхъ полными живого, захватывающаго интереса, но и обусловливаетъ великую пользу этихъ разсказовъ, нравственно-воспитательное значеніе ихъ. Отъ чтенія Гоголя получается не праздное развлеченіе и безтолковое разсѣяніе, а болѣе или менѣе глубокое и полезное раздумье; сочиненія Гоголя не учатъ насъ, не твердятъ намъ назойливо о томъ, что хорошо и что дурно, такъ какъ это мы и безъ нихъ знаемъ, но они захватываютъ насъ силою добраго авторскаго чувства, увлекаютъ и заражаютъ разлитымъ въ нихъ авторскимъ настроеніемъ. Книга Гоголя волнуетъ, тревожитъ, шевелитъ лучшія чувства, будитъ добрыя стремленія, наталкиваетъ на новыя идеи.

Съ любовію и упованіемъ читатель прислушивается къ этому незримому голосу авторскаго сердца въ книгѣ, и все, что ни сказалъ авторъ въ строкахъ своей книги, все, что ни перечувствовалъ онъ между строкъ ея, все это болѣе или менѣе внѣдряется въ сознаніе читателя, западаетъ въ голову и, иногда долго послѣ чтенія, продолжаетъ жить въ сознаніи, продолжаетъ занимать собою, совершая въ глубинѣ совѣсти какую-то можетъ быть и безотчетную, но всегда нужную, полезную работу. Въ „Ревизорѣ“, напр., нѣтъ ни идеальныхъ людей, ни какихъ либо положительныхъ, явныхъ уроковъ, но развѣ можно отрицать присутствіе идеала въ этой комедіи, ея жизненное значеніе и положительную поучительность? Просмотрѣвши эту комедію на сценѣ, зритель выходитъ изъ театра совсѣмъ не въ томъ спокойномъ состояніи, въ какомъ шолъ туда: его мыслящая сила возбуждена, запечатлѣвшіеся въ воображеніи живые образы и картины вызываютъ его на раздумье, поднимаютъ въ головѣ цѣлый рядъ вопросовъ, и зритель хоть немножко да становится и нравственнѣе и чище, потому уже, что сознательное отношеніе къ дѣйствительности само по себѣ обусловливаетъ постепенное совершенствованіе человѣка. Зрителю не внушено было никакихъ прописныхъ рецептовъ добродѣтели, но зато пьеса Гоголя съ поразительной, ужасающею правдою показала ему, до какого униженія нравственнаго, оскудѣнія душевнаго можетъ снизойти человѣкъ, и—этимъ отрицательнымъ пріемомъ—сильно и властно напомнила человѣку, каковъ долженъ быть человѣкъ. Безпощаднымъ анализомъ русской жизни и

своимъ проникновеннымъ умнымъ и сердечнымъ освѣщеніемъ жизни, своимъ смѣхомъ юмористическимъ, Гоголь сильно смутилъ русскихъ людей, нарушилъ спокойное самодовольство и одервенѣніе; Гоголь звалъ впередъ, къ совершенствованію, энергично отрывалъ отъ мелочной, безпечной жизни, отъ безсмысленнаго и безнравственнаго прозябанія, внушалъ негодованіе къ всякой пошлости, зловредности, дармоѣдству, заставлялъ задумываться надъ собою, своимъ поведеніемъ, пробуждалъ сознательное, разумное отношеніе ко всему, изъ чего слагается наша человѣческая жизнь. Повторяю, самое дорогое качество сочиненій Гоголя не въ столь подкупающей собою и увлекающей публику внѣшности ихъ, хотя и внѣшность, отдѣлка ихъ—артистическая, геніальная, а въ ихъ глубокомъ нравственномъ смыслѣ, идеѣ; высшая красота ихъ — красота сердца, души, красота любви человѣка къ человѣку-брату. И вліяніе Гоголя на публику, на общество опредѣляется не столько его талантомъ художника, сколько силою одухотворяющей его сочиненія любви. Талантъ и любовь—это обязательныя условія всякаго успѣха, да это въ то же время и вообще два рычага человѣческой культуры, цивилизаціи.

III.

Велико и многозначительно дѣло, совершенное Гоголемъ въ исторіи русскаго прогресса, глубокъ и въ высшей степени важенъ слѣдъ, оставленный имъ и въ исторіи собственно словесности русской. Не столько

его художественный геній, сколько внутренній смыслъ, та душа его сочиненій, о которой сейчасъ говорилось, поставили Гоголя во главѣ всей новѣйшей русской поэзіи. Долго литература наша питалась чужими, притомъ иногда нездоровыми соками, шла по чужимъ указкамъ и была непригодна, неприложима къ своимъ русскимъ надобностямъ, и только съ Пушкина, главнымъ же образомъ въ лицѣ Гоголя, она отрезвилась и вполнѣ стала на твердую, національную почву. Гоголь явился Колумбомъ той здоровой и въ высокой степени благотворной области поэтическаго творчества, которая называется юмористическимъ натурализмомъ и которая такъ выдвинула, прославила русскую литературу. Т. е., Гоголь явился провозвѣстникомъ и первымъ блестящимъ проводникомъ болѣе подробнаго и непосредственнаго въ поэтическихъ произведеніяхъ изображенія и изученія дѣйствительности, болѣе живого пониманія ея, болѣе глубокаго, осмысленнаго и прочувствованнаго къ ней отношенія; а въ то же время, вслѣдъ за Пушкинымъ, Гоголь явился представителемъ и совершеннаго отреченія отъ реторики, т. е, отъ той лжи, которою преисполнена была прежняя русская жизнь и литература. Съ легкой руки Гоголя и именно по его стопамъ, литература стала во главѣ нравственнаго развитія общества, сдѣлалась его воспитательницею, его, такъ сказать, совѣстію. Струя жизненности, внесенная Гоголемъ въ нашу дотолѣ еще безпочвенную поэзію, становится цѣлымъ могучимъ въ ней потокомъ; Гоголевское сатирическое и юмористическое отношеніе къ дѣйствительности упрочивается, какъ господствующее

настроеніе въ нашей литературѣ, стремящейся теперь обнять жизнь во всю ея безпредѣльную ширь, до самыхъ мельчайшихъ и многостороннихъ ея развѣтвленій. Литература, какъ бы почувствовавъ свою силу и внутреннее значеніе, расширила кругъ своихъ наблюденій, спустилась и до тѣхъ пластовъ и слоевъ общественныхъ, куда не искали и не имѣли доступа прежніе писатели. И тонъ и содержаніе поэзіи русской измѣнились радикальнымъ образомъ. Оставлены были блестящіе солоны съ великосвѣтскими ходульными героями, эффектно-неестественными страстями, происшествіями и на сцену выступили бѣдныя хаты, мрачные петербургскіе углы, коморки столичныхъ домовъ-ковчеговъ, гдѣ гнѣздятся обездоленные счастіемъ, лишенные воспитанія, а потому сплошь и рядомъ порочные, падшіе, все же люди, наши братья. Гоголь первый направилъ взоръ и вниманіе общества на эти невмѣняемыя въ своей пошлости лица, каковы напр., по условіямъ прежняго русскаго быта лишенные свѣта и разумныхъ вліяній, его старосвѣтскіе помѣщики, миргородскіе друзья, пріобрѣтатель и т. д.; Гоголь первый освѣтилъ яркимъ, хотя и зловѣщимъ, свѣтомъ эти забитыя и безцвѣтныя существованія, какъ его Башмачкинъ, Поприщинъ, Чартковъ, Ковалевъ и др.

Какъ натуралистъ и юмористъ, Гоголь не имѣлъ себѣ предшественниковъ ни въ русской ни въ иностранной литературѣ; его поэзія явилась какъ неожиданная новость, какъ счастливое, именно геніальное открытіе, недаромъ такъ всѣхъ и поразившее, ошеломившее, всѣхъ увлекшее къ подражанію. Конечно, нельзя отри-

цать вліянія Пушкина на Гоголя, но это вліяніе было не прямое и только частичное: оно отразилось на пріемахъ художественнаго творчества Гоголевскаго, но не на свойствѣ, особенности, не на душѣ его творчества. Уже по тону, стилю и языку, Гоголь, сравнительно съ Пушкинымъ, составилъ явленіе самобытное и своеобразное; но еще очевиднѣе и рельефнѣе самобытность Гоголя проявилась въ содержаніи его творчества: натурализмъ Гоголевскій имѣлъ только неполные попытки и первые задатки въ Пушкинѣ; на юморъ же Гоголевскій, собственно говоря, и намека не было у Пушкина. Уступая Пушкину въ широтѣ кругозора и художественной объективности, въ разнообразіи сюжетовъ и богатствѣ формъ поэтическаго творчества, Гоголь въ то же время составилъ собою какъ бы существенное восполненіе Пушкина: Пушкинъ явился у насъ великимъ художественнымъ синтезомъ русской мысли, чувства, вообще самосознанія національнаго, а Гоголь удовлетворилъ не менѣе насущной потребности анализа, въ видахъ самоусовершенствованія. Съ глубокой любовью къ человѣку и къ родинѣ, съ болью въ сердцѣ и незримыми міру слезами, Гоголь первый началъ у насъ на Руси этотъ мучительный для него, но благодѣтельный для Россіи анализъ жизни; и Пушкинъ, на глазахъ котораго раскрылась важная работа Гоголя, уступилъ ему эту сторону дѣятельности, какъ извѣстно, сказавши: „это не мое дѣло, это Гоголь сдѣлаетъ лучше меня“. Кстати, напрашивается въ мысли также и другая параллель Гоголя съ Пушкинымъ, съ которымъ единственно Гоголя и можно и приходится сравнивать,

сопоставлять: Пушкина у насъ называли воплощеніемъ всѣхъ коренныхъ и типическихъ свойствъ русскаго человѣка, такъ сказать, собирательнымъ голосомъ послѣдняго; а Гоголь, съ его комическимъ даромъ и заразительнымъ смѣхомъ-весельемъ, съ его тихою, грустною скорбію патріота и друга человѣчества, съ его юморомъ и этимъ мудрымъ „себѣ на умѣ“, съ его, наконецъ, глубокой религіозностію,—представляется еще болѣе вѣрнымъ и типичнымъ воплощеніемъ качествъ русскаго человѣка, болѣе полнымъ и всестороннимъ отголоскомъ основныхъ мотивовъ не русской только, а и всей общеславянской поэзіи.

Поэтическая дѣятельность Гоголя, продолживъ и восполнивъ собою работу Пушкина, легла великою, самою крупною гранію въ исторіи всей вообще русской словесности. Пушкинъ сконцентрировалъ въ себѣ все, что въ теченіе столѣтій выработала русская культура, мысль и чувство; Пушкинымъ кончились, собственно говоря, средніе вѣка русской словесности, длившіеся со времени и дѣятельности Ломоносова. И Пушкинъ же, а ужъ еще опредѣленнѣе, и рѣшительнѣе—Гоголь открыли собою страницы новой русской поэзіи. По крайней мѣрѣ, изъ всего богатства нашей художественной литературы за послѣднія 60—70 лѣтъ не найти ни одного сколько нибудь крупнаго явленія, которое не имѣло бы своего начала въ этомъ именно историческомъ моментѣ нашей словесности, въ работахъ Пушкина, а чаще того—въ работахъ Гоголя. Послѣ первыхъ и немногихъ опытовъ Пушкина („Капитанская дочка“, Повѣсти Бѣлкина),

Гоголь именно положилъ начало современнаго романа, повѣсти, комедіи и сатиры. Онъ—прямой родоначальникъ несравненно-счастливаго ряда великихъ русскихъ талантовъ, которые вывели русскую словесность за русскую околицу и обезпечили ей самое почотное, уважаемое положеніе въ Европѣ. Не смотря на кое какіе оттѣнки, взаимно отличающіе нашихъ новѣйшихъ поэтовъ-классиковъ, всѣ они примыкаютъ къ Гоголю, какъ исходному своему зерну. Сюжеты и типы Гоголя, перваго великаго изобразителя русской провинціи и столичнаго пролетаріата, перваго писателя юмориста, заступника за людей несовершенныхъ и обездоленныхъ, типы эти, какъ мы знаемъ, широко развѣтвились и всесторонне культивировались подъ перомъ достойныхъ преемниковъ Гоголя—Достоевскаго, Григоровича, Островскаго, Некрасова, Писемскаго, Тургенева, Гончарова, Лѣскова и Л. Толстого, а также и всѣхъ нашихъ „народниковъ-беллетристовъ“ — Рѣшетникова, Гл. Успенскаго, Левитова, Златовратскаго. Даже Бѣлинскій, такъ благоговѣвшій предъ Пушкинымъ, а съ другой стороны столько обидъ и мученій причинившій Гоголю, и то—въ разсужденіи о достоинствахъ сочиненій послѣдняго—признавалъ въ нихъ многое, достигшее такой высоты, какая „утомляетъ всякое удивленіе“, а относительно историко-литературнаго значенія Гоголя, между прочимъ, сказалъ: „въ Гоголѣ мы видимъ болѣе важное значеніе для русскаго общества, чѣмъ въ Пушкинѣ, ибо Гоголь болѣе поэтъ соціальный, слѣдовательно, болѣе поэтъ въ духѣ времени“. Другой нашъ критикъ, не столь популярный,

какъ Бѣлинскій, но никакъ не менѣе его глубокій и основательный, Ап. Григорьевъ, писалъ: „все, что есть дѣйствительно живого въ явленіяхъ современной изящной словесности, идетъ отъ Гоголя, поясняетъ его, или лучше—поясняется имъ. Цѣльная, полная, художественная натура Гоголя, такъ сказать, развѣтвляется въ различныхъ сторонахъ современной словесности".

Впрочемъ, нужно ли приводить отдѣльные отзывы и мнѣнія о громадномъ значеніи Гоголя въ исторіи русской словесности и его неотразимомъ, существеннѣйшемъ вліяніи на всѣхъ послѣдующихъ писателей, когда, по общепринятому суду и установившемуся даже въ учебникахъ нашихъ опредѣленію, все современное у насъ направленіе литературное именуется натуралистическимъ и весь новѣйшій періодъ литературный называется „послѣ-гоголевскимъ" или „гоголевскою школою". Сами великіе представители этого періода отлично сознавали свою, такъ сказать, кровную связь съ Гоголемъ и свою генетическую отъ него зависимость. Напр. Тургеневъ несомнѣнно началъ дѣятельность свою поэтическую подъ непосредственнымъ вліяніемъ Гоголя, котораго онъ, какъ признается самъ въ „Воспоминаніяхъ", зналъ чуть не наизусть. О прочихъ же—Достоевскомъ, Гончаровѣ, Писемскомъ, Некрасовѣ, Островскомъ—и говорить нечего: „отъ Пушкина и Гоголя въ русской литературѣ теперь никуда не уйдешь", заявляетъ, какъ бы отъ лица всѣхъ ихъ, Гончаровъ: „всѣ мы беллетристы только разрабатываемъ завѣщанный ими матеріалъ". Фактъ главенствующаго, именно царственнаго положенія Гоголя въ русской сло-

весности признается даже и не русскими, западноевропейскими критиками. Напр. извѣстный и глубоко симпатичный французскій критикъ-публицистъ М. Вогюэ, такъ заинтересовавшійся русскою словесностію, ее основательно изучившій и талантливо ее пропагандирующій въ своемъ отечествѣ, въ послѣдней своей работѣ—о нашемъ Чеховѣ—между прочимъ пишетъ: „Начало литературнаго происхожденія Чехова—въ Гоголѣ. Это—общій отецъ русскихъ писателей, который впервые показалъ, какъ нужно наблюдать и изображать дѣйствительную жизнь. Чѣмъ дальше идетъ время, чѣмъ больше является въ Россіи писателей, тѣмъ ниже надо преклоняться предъ Гоголемъ, этимъ геніальнымъ пробудителемъ, творцемъ русской литературы, тѣмъ болѣе и внимательнѣе нужно изучать и узнавать этого оригинальнаго и геніальнаго художника Россіи“.

IV.

Названными выше сочиненіями Гоголя исчерпывается все, что традиціонно о немъ повторяется, что въ немъ общепризнано, взвѣшено и всесторонне оцѣнено. Но Гоголь не исчерпывается этой только стороной его дѣятельности и значенія. Была еще иная сторона въ его богатоодаренной личности; была вторая половина жизни Гоголя, полная иныхъ трудовъ и содержанія. Правда, эта другая сторона Гоголя не успѣла со всею ясностію и очевидностію обнаружиться міру, потому что проявленія ея были не признаны,

даже осмѣяны, опозорены въ самомъ началѣ, зародышѣ, вслѣдствіе чего и остался, сохранился именно только этотъ зародышъ, начало. Я говорю о христіанскомъ постепенномъ подъемѣ и просвѣтленіи Гоголя, о нравственныхъ и религіозныхъ стремленіяхъ и идеалахъ Гоголя, заполнившихъ собою всю душу его во второй періодъ его жизни, говорю о Гоголѣ, какъ великомъ мудрецѣ жизни, поэтѣ-великомъ мыслителѣ, христіанинѣ. Такое настроеніе Гоголя и направленіе въ его дѣятельности шло въ разрѣзъ съ взглядами міра сего, поэтому и встрѣчено оно было только насмѣшками, издѣвательствами, которыя заглушили, подавили слабый голосъ уже изболѣвшаго и физически надорваннаго Гоголя. Весьма вѣроятно, что даже и сегодня многіе въ благовидныхъ рѣчахъ хвалы и прославленія Гоголю постараются если не повторять старую ложь, то по крайности замолчать, игнорировать эту послѣднюю стадію въ его дѣятельности. Наше дѣло—обратить на нее вниманіе, подчеркнуть ее, поднять изъ обиднаго хлама кривотолковъ самое высокое въ личности Гоголя, самый крупный подвигъ его жизни. Пора отдать должную дань уваженія Гоголю, великому мыслителю и поэту христіанину, пора преклониться предъ величіемъ его нравственной личности, пора открыто оплакать великое горе и истинное несчастіе Россіи въ преждевременной смерти Гоголя, помѣшавшей ему вполнѣ высказаться во всей его не только поэтической, но и нравственной, умственной христіанской красотѣ и величіи. Словомъ, пора пересмотрѣть „Гоголевское дѣло“ и исправить истори-

ческую ошибку, эту вопіющую въ отношеніи къ Гоголю несправедливость, которая, по справедливому признанію еще Ап. Григорьева, является „вѣчнымъ стыдомъ“ нашимъ.

Послѣ кратковременной, всего пятилѣтней (1831—1836 гг.) успѣшной литературной дѣятельности Гоголя, съ отъѣздомъ его заграницу въ 1836 г., совпала замѣтная перемѣна въ духовномъ строѣ Гоголя, отразившаяся на творчествѣ его. Гоголь какъ бы порываетъ съ своимъ прошлымъ, отрекается отъ прежней своей дѣятельности собственно художественной, онъ даже сжигаетъ уже готовый второй томъ „Мертвыхъ душъ“, написанный въ томъ же, прежде опредѣлившемся, его направленіи, и желаетъ писать по другому, въ иномъ тонѣ. Въ свое время эту „скрытую драму“ въ личности Гоголя объясняли и переутомленіемъ Гоголя, и увяданіемъ его таланта, а Бѣлинскій, въ ту пору вождь и верховный судья на литературномъ горизонтѣ, даже и не познакомясь хорошо съ этимъ, во всякомъ случаѣ не симпатичнымъ для него, новымъ направленіемъ Гоголя, не постѣснился прямо объявить послѣдняго сумасшедшимъ. Вслѣдствіе издавна замѣченной за русскими людьми привычки вмѣсто сознательнаго отношенія къ фактамъ дѣйствительности вторить чужому голосу, идти по чужой указкѣ, это мнѣніе Бѣлинскаго и стало общепринятымъ, ходячимъ даже до сегодня. И только очень немногія, единичныя лица, на протяженіи уже свыше-пятидесятилѣтней давности для Гоголя, ознакомясь съ данными жизни его и съ послѣдними его сочиненіями, отвергали и отвергаютъ эту б а с н ю

о сумасшествіи Гоголя (Шевыревъ, А. Григорьевъ, И. Аксаковъ, кн. Вяземскій, архіеп. Иннокентій, а въ послѣднее время—Матвѣевъ, Николаевъ, Волынскій и нѣкоторые другіе).

Но у насъ есть вѣрный ключъ къ разгадкѣ Гоголя, это—его письма. Въ этихъ интимныхъ бесѣдахъ съ друзьями, Гоголь вводитъ насъ въ сокровенные тайники своей души, съ глубокимъ здравомысліемъ излагаетъ свои взгляды на творчество и искусство вообще, на свою задачу и свой трудъ въ частности. Письма даютъ полное и совершенно ясное уразумѣніе Гоголя, объясненіе этой видимой перемѣны въ личной настроенности Гоголя, въ его поведеніи и творчествѣ. При свѣтѣ и помощи этого ключа, а также на основаніи и другихъ біографическихъ о Гоголѣ данныхъ, бросимъ взглядъ на всю жизнь его, посмотримъ на него, какъ на живую личность, съ своимъ темпераментомъ, характеромъ, съ извѣстною суммою сложившихся въ душѣ его взглядовъ, убѣжденій, чтобы понять и эту перемѣну, совершившуюся съ Гоголемъ и такъ смутившую и возмутившую друзей его. Неужели въ самомъ дѣлѣ есть какія нибудь основанія подозрѣвать тутъ сумасшествіе? Меньше того: и была-ли, дѣйствительно, какая перемѣна-то съ Гоголемъ?

Одинъ изслѣдователь, занимавшійся многіе годы Гоголемъ и много написавшій о немъ (Шенрокъ), пришолъ къ убѣжденію, что личность Гоголя полна трагизма, что личная судьба его „безпредѣльно несчастна“. Дѣйствительно, жизнь Гоголя была очень бѣдна счастіемъ, вся она была довольно тягостнымъ и почти

безпросвѣтнымъ подвигомъ. Трудъ, внутренно саморазъѣдающій и немилосердо подтачивающій нервы, милліонъ внѣшнихъ терзаній, непріятностей и огорченій изъза этого труда, и подвижничество въ буквальномъ смыслѣ этого слова — вотъ несложное и нелегкое содержаніе его жизни. Гоголь началъ свое существованіе физически слабымъ, хилымъ, съ явными задатками нервозности, хотя это не препятствовало ему еще на школьной скамьѣ быть и веселымъ и симпатичнымъ, добрымъ товарищемъ и общимъ любимцемъ. Безъ связей, безъ средствъ и безъ поддержки Гоголь цѣлые годы бьется, какъ рыба объ ледъ, въ Петербургѣ, хотя это и не помѣшало ему написать полные жизни, комизма и самаго свѣтлаго одушевленія его Малороссійскіе разсказы. Нищій въ началѣ, Гоголь и всю жизнь свою нуждался, болѣе или менѣе бѣдствовалъ, не выходилъ изъ долговъ, хотя это не мѣшало ему часть своихъ, какъ онъ называлъ, „выстраданныхъ“ денегъ употреблять на помощь ближнимъ. Да будетъ вѣдомо всѣмъ студентамъ, къ слову здѣсь напомню, что Гоголь, напр. въ 1844 г., изъ заграницы, гдѣ онъ тогда находился, сдѣлалъ распоряженіе друзьямъ своимъ, Плетневу въ Петербургѣ и Аксакову въ Москвѣ, чтобы часть денегъ, вырученныхъ за продажу его сочиненій, они удерживали у себя и выдавали ихъ въ пособіе нуждающимся студентамъ, отнюдь при этомъ не открывая послѣднимъ, отъ кого именно идетъ это пособіе. Не имѣвшій ни дома, ни постояннаго гнѣзда-пріюта, во всю свою жизнь бездомный бобыль, Гоголь долгіе годы скитался, какъ о немъ говорили, „мрач-

ною, наводящею унынiе тѣнью“ за границею. Человѣкъ необычайно отзывчиваго, любящаго, теплаго сердца, Гоголь всю жизнь оставался одинокимъ и никакая сердечная привязанность ни разу не скрасила его одинокаго существованiя. То, что должно бы дать полноту и составить счастiе жизни Гоголя, его сочиненiя, несомнѣнно причиняли ему муки и терзанiя, уже по самому свойству ихъ, какъ юмористическихъ, обличительныхъ: поэтъ глубокiй лирикъ, юмористъ—всегда болѣе или менѣе страдалецъ въ своемъ вдохновенномъ трудѣ; въ сердцѣ его сосредоточивается горе и зло мiра, вся боль общественнаго сознанiя, и прекрасный трудъ его всегда несетъ ему не отраду и облегченiе, а скорбь и страданiе. Это вѣдь такъ неподражаемо правдиво высказалъ, разъяснилъ намъ именно самъ Гоголь, величайшiй изъ лириковъ - юмористовъ. Внѣшнiя непрiятности, негодованiе нѣкоторой части публики, цензурная волокита и т. п. усугубляли его житейскую горечь. А можно ли какъ нибудь измѣрить и опредѣлить ту пытку душевную, что терпѣлъ Гоголь изъза несправедливаго, неосновательнаго, часто прямо дерзкаго и жестоко обиднаго отношенiя къ нему критики, рецензентовъ, изъза непониманiя и превратнаго толкованiя его сочиненiй? Такъ напр., и до сихъ поръ несравненный и въ своемъ родѣ неподражаемый „Ревизоръ“, которымъ милiоны русскихъ людей увлекаются и наслаждаются, какое озлобленiе вызвалъ на автора, какихъ заботъ, огорченiй и мученiй стоилъ самому ему! Не радовалъ Гоголя и успѣхъ его художественныхъ произведенiй, мало по малу потомъ преодолѣвшихъ вся-

кія предубѣжденія и уже превознесенныхъ критикою. Къ великому своему огорченію Гоголь все болѣе и болѣе убѣждался, что его ни публика, ни критики не поняли и не понимаютъ; не то собственно хотѣлъ сказать онъ своими произведеніями, что въ немъ усмотрѣли: его объявили сатирикомъ, отрицателемъ, его даже пріурочили къ лагерю такъ называемыхъ либераловъ; какъ самое высокое и цѣнное, видѣли въ немъ счастливаго смѣхотвора, великаго комика, и только такихъ сочиненій отъ него ожидали и требовали. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ и совсѣмъ не такъ смотрѣлъ на смыслъ своей дѣятельности, на значеніе своей миссіи самъ Гоголь.

Гоголь былъ, прежде всего, глубоковѣрующій, истинный христіанинъ, который и на себя и на все въ мірѣ смотрѣлъ съ строго религіозной точки зрѣнія. По натурѣ своей постоянно склонный къ сложнымъ, идейнымъ задачамъ, онъ всегда носилъ въ душѣ своей живого Бога, и интересы вѣры стояли для него на первомъ планѣ; религіозность была всегдашней существенной его чертой съ ранней молодости, по крайней мѣрѣ съ самыхъ первыхъ его записанныхъ мыслей и думъ, съ дѣтскихъ писемъ къ матери, въ которыхъ, еще ребенокъ, Гоголь постоянно ссылается на Промыслъ Божій, говоритъ о высшихъ веленіяхъ. Убѣдившись потомъ въ своемъ дарованіи, Гоголь никогда, даже и въ самомъ началѣ его карьеры литературной, не увлекался дешевымъ успѣхомъ, а все предъявлялъ къ себѣ съ теченіемъ времени болѣе и болѣе строгія требованія. Изъза этого Гоголь становится въ разладъ со

всѣми окружающими и даже съ самимъ собою, съ своими первыми, недостаточно, какъ ему казалось, серьезными и публикой не понятыми, превратно истолкованными сочиненіями. Въ самомъ дѣлѣ, критика позднѣйшая и даже именно либеральная (Градовскій и др.) пришла уже къ убѣжденію, что Гоголя нельзя считать собственно отрицателемъ, обличителемъ, сатирикомъ; въ сочиненіяхъ Гоголя не издѣвательства надъ порокомъ, не сатира собственно, а исповѣдь, покаяніе, раскрытіе свойственныхъ всѣмъ намъ слабостей. Обличенія Гоголя явились не какъ результатъ сознанія своего превосходства и сравнительной чистоты, а какъ результатъ смиренія, отверженія своей личности во имя высшей правды, сущей внѣ насъ, но живущей и въ душѣ нашей. Такое отношеніе къ дѣйствительности было въ нашей поэзіи новое, неслыханное, то былъ юморъ, основанный на душевномъ христіанскомъ настроеніи автора, чего въ литературѣ свѣтской никогда и нигдѣ не было, почему надъ созданіями Гоголя Россія и смѣялась „изумленнымъ смѣхомъ“, какимъ никогда еще не смѣялась. Въ томъ и разгадка силы, тайны юмора Гоголевскаго, что онъ смотрѣлъ на все съ христіанской точки зрѣнія, отнесся къ отрицательнымъ явленіямъ жизни, какъ христіанинъ. Между тѣмъ усмотрѣли въ Гоголѣ только одну сторону—что онъ, какъ никто, умѣетъ выставлять пошлость пошлаго человѣка, но не замѣтили *какъ* онъ относится къ этой пошлости. Не замѣтили, что онъ любитъ свою родину, свой народъ, любитъ той христіанской любовью, которая видитъ язвы дорогого существа и потому еще

больше любитъ, такъ какъ къ любви тутъ присоединяется еще и безконечная жалость. Къ великому своему разочарованію и огорченію, Гоголь увидѣлъ, что за ускользнувшею для публики душою его сочиненій, остался одинъ только его смѣхъ, который возбуждалъ гнѣвъ, ненависть, озлобленіе и другія дурныя чувства въ однихъ и далъ поводъ къ униженію его родины и народа для другихъ. Не поняли великихъ замысловъ Гоголя потому, что еще не достаточно ясно, сильно и полно они были имъ воплощены. И вотъ Гоголь самъ осуждаетъ свои работы, отрекается отъ нихъ, онъ искренно желалъ-бы уничтожить первый томъ „Мертвыхъ душъ“ и сжигаетъ уже совершенно готовый, но еще не напечатанный второй томъ [1]). Не желая злоупотреблять богодареннымъ талантомъ, Гоголь сталъ готовиться къ трудамъ болѣе серьезнымъ и плодотворнымъ, чтобы, какъ написалъ онъ въ своей Авторской исповѣди, „исполнить долгъ, для котораго онъ призванъ на землю и для котораго именно даны ему способности и силы“.

Гоголь пришолъ къ совершенно разумному убѣжденію, что, желая поднять и исправить другихъ, писатель самъ долженъ быть чистъ и высокъ, долженъ обладать высокимъ смиреніемъ, чтобы снизойти къ мелкимъ, пошлымъ людямъ, переболѣть ихъ язвами, перестрадать ихъ страданіемъ, видѣть въ нихъ такихъ же,

---

[1]) Только черновые наброски его, случайно попавшіе въ чужія руки, были потомъ собраны, напечатаны и составляютъ теперь извѣстный намъ второй томъ «Мертвыхъ душъ».

какъ самъ, людей, братски возлюбить ихъ, чтобы и судить ихъ не фарисейскимъ судомъ своей гордыни, не во имя своего ничтожнаго и въ сущности мнимаго превосходства, а судить судомъ кающагося христіанина, во имя Божіей правды, предъ которою всѣ мы люди одинаково неоплатно и неискупимо грѣшны и виновны. И Гоголь углубился въ самонаблюденіе и самоисправленіе; какъ строгій, неподкупный судья, изучалъ, анализировалъ и судилъ онъ свою душу. „Душа заняла меня всего, пишетъ Гоголь: я увидѣлъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству, не въ силахъ я двинуться ни одной моей способностію, ни одной стороной ума моего во благо и пользу моимъ собратіямъ; а безъ этого воспитанія душевнаго всякій трудъ мой будетъ только временно блестящій, но суетенъ въ существѣ своемъ“. „Говорить и писать о высшихъ чувствахъ и движеніяхъ человѣка нельзя по воображенію: нужно заключить въ себѣ самомъ хотя небольшую крупицу этого,—словомъ, нужно самому сдѣлаться лучшимъ“. Отсюда и началось постоянное и постепенно усиливавшееся стремленіе Гоголя къ улучшенію въ себѣ духовнаго человѣка, началось очевидное для всѣхъ и такъ смущавшее многихъ преобладаніе въ Гоголѣ религіознаго направленія, которое и достигло потомъ, какъ говоритъ біографъ, такого высокаго въ немъ строя, который почти уже „не совмѣстимъ съ тѣлесной оболочкой человѣка“.

Идеалъ христіанскаго совершенствованія безконеченъ и безграниченъ; самые великіе подвижники, какъ извѣстно, чѣмъ болѣе выростали, возвышались духовно,

тѣмъ больше мысленному взору ихъ открывалось ихъ несовершенство. Тоже осуществилось и въ жизни, въ личности Гоголя. Первымъ дѣломъ, Гоголь безъ колебаній бросилъ все—прежнія должности, общество друзей своихъ, Петербургъ и самую Россію,—чтобы вдали и въ полномъ, неразвлекаемомъ уединеніи воспитывать себя къ высокому призванію писателя и всѣ силы свои посвятить новому, болѣе глубокому, осмысленному и христіански-одухотворенному творчеству. Такимъ образомъ искусственно изолировавъ себя отъ всего и, такъ сказать, уйдя въ свою душу, Гоголь постепенно отрѣшался отъ обыкновенныхъ земныхъ и человѣческихъ воззрѣній и понятій, въ которыхъ человѣкъ обычно руководится больше плотскими инстинктами и интересами и смотритъ на все только глазами тѣла. Долгими, уединенными подвигами ума и духа, Гоголь постепенно приблизился къ религіозному экстазу; вѣра и энергія религіознаго чувства направили всѣ его помыслы, чувства и настроенія въ одну опредѣленную сторону, такъ что совершенно естественнымъ и сознательнымъ мыслительнымъ процессомъ Гоголь дошолъ до того, что сталъ, по свидѣтельству Шевырева, „выше всего“ людского и земного, сдѣлался, по словамъ К. Аксакова, „христіаниномъ, подвижникомъ, монахомъ“, сталъ „праведнымъ человѣкомъ“, какъ назвали его иноки Оптиной обители, куда онъ совершилъ паломничество. И прежде всегда любившій чтеніе серьезное и богословское, Гоголь теперь обложилъ себя исключительно книгами религіозно-нравственнаго содержанія, читалъ творенія св. Отцевъ, изучилъ богослуженіе и даже напи-

салъ „Размышленія о Божественной литургіи“, искалъ бесѣды съ духовными лицами. Такъ, между прочимъ, онъ сблизился—видался и переписывался—съ извѣстнымъ въ ту пору своею строго-нравственною жизнію о. Матвѣемъ, священникомъ изъ г. Ржева. Вѣра стала для Гоголя не только бережно хранимымъ въ душѣ сокровищемъ, но и основою всей его дѣятельности и поведенія; онъ свободно и радостно подчинился не только Христу, но и Его святой церкви со всѣми ея уставами: онъ строго соблюдалъ посты, посѣщалъ богослуженія, совершалъ ночныя моленія и т. д. Исполнилось и завѣтное желаніе Гоголя, нѣсколько лѣтъ его томившее и манившее: онъ совершилъ путешествіе во святую землю. А между тѣмъ физическія силы Гоголя, и прежде слишкомъ не блестящія, теперь, съ усиленіемъ подвижничества и внутренней работы духовной, видимо таяли и слабѣли: Гоголь постепенно сгоралъ отъ внутренняго огня.

Въ такомъ положеніи застала Гоголя масляница 1852 года. Къ этой порѣ Гоголь особенно ослабѣлъ; онъ даже почувствовалъ приближеніе смерти и совершенно сознательно и покойно заявилъ своимъ друзьямъ: „я готовлюсь къ страшной минутѣ“. Въ ожиданіи столь великаго въ жизни христіанина момента. какъ переселеніе въ вѣчность, Гоголь прекратилъ совсѣмъ работу надъ сочиненіями и даже потомъ (ночью на вторникъ второй недѣли поста), уничтожилъ, сжогъ все, что у него оставалось на рукахъ, порвавши такимъ образомъ всякую связь съ земными дѣлами и заботами. Зато онъ еще больше усилилъ свое подвижничество:

всѣ дни наступившаго великаго поста онъ проводилъ въ молитвѣ, говѣлъ, нѣсколько разъ пріобщался, питался почти одной только просфорой и святою водой, у всѣхъ приходившихъ къ нему слезно испрашивалъ прощенія и молитвъ. Впрочемъ, благоговѣйно преклоняясь предъ святынею души великаго человѣка, не будемъ больше поднимать завѣсу, скрывающую отъ міра непонятные міру покаянные подвиги послѣднихъ дней Гоголя: міръ, пекущійся и молвящій о мнозѣ службѣ, не понялъ тогда, да и теперь едвали захочетъ понять Гоголя, едвали, оцѣнитъ рѣшимость и поведеніе этого истиннаго христіанина, который, очевидно, приступая ко вратамъ вѣчности, явѣ созналъ, что человѣку—едино есть на потребу.... Только, въ противовѣсъ сплетнямъ о мнимомъ сумасшествіи Гоголя, напомню, что память Гоголя не ослабѣвала и сознаніе не покидало его до послѣдней минуты: еще наканунѣ кончины, онъ не только узнавалъ всѣхъ, а напр. заботился о судьбѣ своего крѣпостного человѣка, ходатайствовалъ за какого-то молодого человѣка, сына своего духовника, разсылалъ послѣднія оставшіяся у него на рукахъ деньги бѣднымъ и по церквамъ на свѣчки. Между прочимъ извѣстному А. Ст. Хомякову, который желалъ утѣшить умирающаго, Гоголь совершенно спокойно и твердо сказалъ: „я уже готовъ, и—умру!...“ Очевидно, Гоголь съ открытымъ и свѣтлымъ взоромъ встрѣчалъ смерть: ему легко было переходить въ міръ духовный, потому что онъ не былъ для него темной и страшной загадкой. 21-го февраля, въ четвергъ второй недѣли поста, утромъ, совершенно тихо,

незамѣтно для окружающихъ, безъ боли и страданій, поистинѣ какъ свѣчка Божія, Гоголь догорѣлъ, и, по воспоминаніямъ присутствовавшихъ, спокойная улыбка праведника озарила изможденное лицо новопреставленнаго вѣрнаго раба Божія.

Хотя эти біографическія подробности не входили въ программу моей бесѣды, всетаки я не случайно увлекся и отвлекся ими: я воспользовался случаемъ намѣренно на нихъ сослаться и ихъ поставить на видъ. Конечно, уже одного таланта Гоголевскаго и оставленнаго Гоголемъ литературнаго намъ наслѣдства совершенно достаточно для того, чтобы мы всегда считали его въ ряду величайшихъ людей Россіи; но—высокія христіанскія достоинства души Гоголя и эта картина доблестно благочестивой жизни его способны внушить намъ еще болѣе глубокое и основательное уваженіе къ свѣтлой личности нашего великаго поэта-христіанина, и сдѣлать нашу память о Гоголѣ еще болѣе сознательною, благоговѣйною,

Итакъ, къ какому же выводу, по интересующему насъ вопросу о перемѣнѣ въ Гоголѣ, можно придти на основаніи этой біографической справки о личности и жизни Гоголя?

V.

Вышеупомянутый мною обозрѣватель жизни Гоголя назвалъ его въ концѣ концовъ „безпредѣльно несчастнымъ человѣкомъ“. Но на основаніи того, что

мы знаемъ о Гоголѣ и что въ общихъ чертахъ только что вспомнили о немъ, мнѣ думается, нужно внести существенную поправку въ это заключеніе: не вѣрнѣе-ли будетъ назвать Гоголя *святымъ* человѣкомъ? При этомъ, не только о безуміи, сумасшествіи, а даже о какомъ либо роковомъ переломѣ, существенномъ переворотѣ въ жизни и душевной настроенности Гоголя едвали и говорить можно. Если Гоголь былъ безуменъ, то развѣ въ томъ только единственномъ и ужъ поистинѣ безумномъ смыслѣ, въ какомъ многіе искони считали и, конечно, многіе впредь всегда будутъ считать буйствомъ и безуміемъ все высокое, святое, христіанское [1])!... А на всѣ упреки за измѣну себѣ, своимъ

---

[1]) Московскій психіатръ, докторъ Баженовъ, въ статьѣ своей „Болѣзнь и смерть Гоголя“ (Рус. Мысль, 1902 г., № 1—2), съ всѣмъ извѣстною тенденціею психіатровъ всюду и во свѣхъ узнавать сумасшедшихъ, пытается укрѣпить сплетню о сумасшествіи Гоголя на научной почвѣ и точно опредѣлить свойства душевной болѣзни Гоголя. Но эти разсужденія спеціалиста оказались всеже настолько не убѣдительны и не доказательны, что даже и не спеціалисту легко было ихъ опровергнуть и свести къ нулю, что и сдѣлалъ своевременно іеромонахъ Михаилъ въ Моск. Вѣдомостяхъ. Притомъ, изъ самой статьи Баженова можно извлечь весьма важныя для насъ свѣденія о мнимомъ сумасшествіи Гоголя. Такъ, мы узнаемъ, что сами ученые спеціалисты не знали и не знаютъ, болѣлъ-ли и чѣмъ именно болѣлъ Гоголь; по-крайности, вовсе не согласны они въ своихъ мнѣніяхъ на этотъ счетъ. Напр. заграничныя знаменитости, доктора Шенлейнъ и Круккенбергъ, которые въ 1845 г. тщательно обслѣдовали Гоголя, констатировали у него сильное нервное раз-

убѣжденіямъ и направленію, что, какъ мы видѣли, вовсе не находитъ себѣ основанія въ данныхъ біографіи

стройство. Послѣ того, Ломброзо приписывалъ Гоголю «сексуальныя аномаліи» и утверждалъ, что онъ умеръ отъ сухотки спинного мозга (!). Самъ Баженовъ, очевидно, чувствуя себя въ силѣ рѣшить вопросъ о качествѣ и свойствахъ душевной болѣзни Гоголя и потому взявшійся точно и авторитетно установить діагнозъ, однако тоже испытываетъ затрудненіе и сомнѣвается: былъ-ли то „періодическій психозъ въ формѣ періодической меланхоліи“, или, можетъ быть, это была «подгруппа періодическихъ психозовъ,—такъ называемый психозъ циркулярный». Въ концѣ концовъ Баженовъ склоняется къ мысли, что съ Гоголемъ была «періодическая меланхолія». Не знаемъ, какъ съ медицинской, строго научной точки зрѣнія, а съ обычной человѣческой точки зрѣнія, эта болѣзнь представляется вовсе не такъ страшною и очень далекою отъ сумасшествія. Впрочемъ, самъ Баженовъ справедливо говоритъ, что научное понятіе о сумасшествіи не совпадаетъ съ обычнымъ взглядомъ на него, что «научное понятіе гораздо шире». Да, несомнѣнно, научное понятіе о сумасшествіи очень широко: по мнѣнію психіатровъ, какъ извѣстно, всякій человѣкъ въ большей или меньшей степени сумасшедшій, а ужъ тѣмъ болѣе сумасшедшіе—люди, въ какомъ либо отношеніи односторонніе, чѣмъ либо увлекающіеся, всѣ люди геніальные, всѣ аскеты, подвижники. Если понимать въ такомъ широкомъ смыслѣ сумасшествіе, конечно, и Гоголь войдетъ въ категорію сумасшедшихъ.

Далѣе, изъ множества цитатъ и отрывочныхъ фразъ, взятыхъ Баженовымъ изъ писемъ Гоголя, мы убѣждаемся, что Гоголь дѣйствительно былъ человѣкъ очень нервный, мнительный, склонный къ ипохондріи, часто испытывалъ онъ тоску, апатію и т. п.,—и только. Между прочимъ Баженовъ, въ качествѣ самаго неотразимаго аргумента приводитъ, дѣй-

Гоголя, еще самъ онъ, какъ нельзя больше рѣшительно и опредѣленно отвѣтилъ: „чуть не съ двѣнадцатилѣт-

---

ствительно, на первый взглядъ эффектное, съ точки зрѣнія Баженова, письмо Гоголя къ Погодину изъ Рима въ 1840 г., тутъ Гоголь жалуется на ужасно угнетенное состояніе своего духа, говоритъ, что онъ мѣста не находитъ, страшно нервничаетъ, чувствуетъ тяжесть въ груди и давленіе. Баженовъ видитъ здѣсь блестящее подтвержденіе наличности душевной болѣзни у Гоголя, но, почему-то, совершенно игнорируетъ—вѣроятно, какъ не заслуживающій вниманія вздоръ—діагнозъ врачей, тогда лечившихъ Гоголя: послѣдніе нашли причину обостренія нервозности у Гоголя «въ желудочномъ разстройствѣ и остановившемся пищеваренiи». А кажется, опять-таки съ точки зрѣнія не спеціалиста медика, причина страданія Гоголя указана была врачами вполнѣ достаточная. Вообще, какъ узнаемъ изъ статьи Баженова, Гоголь всегда страдалъ отъ желудочнаго разстройства, у него былъ «хроническій катарръ и геммороій». Не въ этихъ ли физическихъ дефектахъ, да въ связи еще съ житейскими непріятностями, и крылась причина всѣхъ проявленій мнимаго сумасшествія Гоголя?!

Въ противовѣсъ мнѣнію Баженова о несомнѣнности душевной болѣзни Гоголя приведемъ еще и другого сорта данныя, но извлеченныя все изъ той же статьи Баженова. Оказывается, «никто изъ короткихъ знакомыхъ Гоголя не признавалъ въ немъ психическаго разстройства». Шенрокъ, безъ сомнѣнія, больше всѣхъ документально изучившій всѣ Гоголевскіе матеріалы и въ концѣ концевъ отлично, хотя и заочно, знавшій Гоголя, прямо свидѣтельствовалъ: «нелѣпо повторять легенду о сумасшествіи Гоголя». Да, наконецъ, и самъ Баженовъ, при всемъ его стремленіи сопричислить Гоголя къ людямъ ненормальнымъ и душевно нездоровымъ, оказался вынужденнымъ, со словъ свидѣтелей, констатировать у Гоголя „сохраненіе ясности сознанія, самообладанія и спо-

няго возраста я иду тою же дорогою, какъ и нынѣ, не шатаясь и не колеблясь никогда въ главныхъ мнѣніяхъ".

Изъ сдѣланнаго взгляда на жизнь Гоголя также ясно, что онъ отнюдь не былъ потерянъ для дѣятельности литературной, для словесности русской. Именно къ достойнѣйшему-то служенію послѣдней Гоголь съ такою необычайною серьезностію, съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ, лишеніями и готовился, духовно возросталъ, усиленно, подвижнически надъ собою работалъ.

собности связной рѣчи—даже въ худшіе моменты, на высотѣ приступа» болѣзни.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ свѣденіямъ изъ статьи Баженова, вопреки намѣреніямъ автора убѣждающимъ насъ въ томъ, что Гоголь былъ нормальный человѣкъ съ самыми обычными въ общежитіи физическими и душевными разстройствами, можно добавить еще, къ слову, что доселѣ у насъ здравствуютъ нѣкоторые изъ современниковъ Гоголя, люди, знавшіе его, и, сталобыть, живые и важные свидѣтели въ рѣшеніи вопроса о психическомъ состояніи Гоголя. Назову, напр., почтеннаго, талантливаго сотрудника газеты «Свѣтъ», пишущаго подъ иниціалами А. И. С., который въ «Гоголевскіе дни» повѣдалъ свои личныя воспоминанія о Гоголѣ. Въ домѣ общихъ знакомыхъ, онъ видѣлъ Гоголя за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти послѣдняго, значитъ, видѣлъ уже совсѣмъ ослабленнаго и переболѣвшаго физически, что, конечно, не могло не отражаться и на душевномъ его состояніи. И дѣйствительно, Гоголь былъ, по словамъ А. И. С., въ сильно угнетенномъ и мучительно грустномъ настроеніи; но—«чтобы это былъ психически больной человѣкъ, этого не сказалъ бы, *не посмѣлъ бы сказать* въ то время никто изъ видѣвшихъ его».

Всѣ его письма къ друзьямъ неопровержимо свидѣтельствуютъ, что Гоголь не только замышлялъ великіе труды (онъ задумалъ написать еще два тома „Мертвыхъ душъ“, кромѣ уже изданнаго 1-го тома), но и началъ эту работу; не смотря на частыя во второй періодъ его жизни физическія недомоганія, упорно, настойчиво надъ нею трудился. Какъ извѣстно, это было произведеніе такъ же, какъ и прежнія сочиненія Гоголя, поэтическое, только съ нѣсколько измѣненнымъ содержаніемъ и направленіемъ, т. е. съ болѣе прозрачнымъ и доступнымъ пониманію публики смысломъ и освѣщеніемъ. Гоголь желалъ поэтически, образно, въ художественныхъ типахъ представить настоящее добро, христіанскіе идеалы, воплощенные въ плоть и кровь и примиренные съ условіями нашей русской жизни. Невидимая и еще несознанная сторона Россіи должна была выступить въ созданіи искусства, проникнутаго высокой христіанскою идеею и согрѣтаго, одухотвореннаго религіознымъ пламенемъ. Къ сожалѣнію, только очень немногіе въ ту пору проникли въ намѣренія Гоголя, повѣрили правдѣ и искренности его интимныхъ признаній въ письмахъ и вѣрили въ возможность, осуществимость задуманнаго имъ плана. Добрымъ словомъ стоитъ помянуть здѣсь Шевырева, который понялъ Гоголя, вѣрилъ въ него и старался поддержать его: возмущенный распространившеюся сплетнею о сумасшествіи Гоголя, Шевыревъ съ тактомъ избраннаго и тонко-интеллигентнаго человѣка ободряетъ Гоголя: „ты, кажется, такъ выросъ духовно, что стоишь выше сплетенъ“.... И далѣе продолжаетъ: „не понимаютъ, что надобно выросты для

этого (т. е. для такой работы, за какую взялся Гоголь), не понимаютъ, что ты ростешь къ этому“ [1]).

И второй томъ великаго труда, на который Гоголь затратилъ массу времени, силъ и энергіи, въ которомъ каждая строка, каждый характеръ были строго обдуманы, вымолены у Бога, былъ Гоголемъ написанъ, законченъ. Но нельзя и выразить словами силы, жгучести сожалѣнія, что это созданіе Гоголя безвозвратно для міра погибло. Самъ Гоголь, уже въ предсмертные часы свои, сжегъ его.

Этотъ фактъ уничтоженія самимъ Гоголемъ великаго его созданія былъ темою безконечныхъ соображеній и предположеній. Но вмѣсто гаданій, и тутъ обратимся лучше опять къ біографическимъ, документальнымъ даннымъ; въ нихъ находится довольно ясный отвѣтъ на недоумѣніе: рельефно выступаютъ въ біографіи Гоголя обстоятельства, которыя подготовили и обусловили это безмѣрно грустное событіе.

Именно, еще за шесть лѣтъ до смерти Гоголя, въ 1845 г., въ полный разгаръ работы его надъ собою и надъ второю редакціею 2-го тома „Мертвыхъ душъ“, онъ сильно заболѣлъ. Предоставлю, впрочемъ, разсказать самому Гоголю: „я былъ тяжко боленъ; смерть уже была близка. Собравши остатокъ силъ своихъ и воспользовавшись первою минутою полной трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ которомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на дру-

---

[1]) Письма Шевырева къ Гоголю, въ Отчетѣ Императ. Публ. библ. за 1893 г..

зей моихъ издать нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя этимъ искупить безполезность всего, мною доселѣ напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ моихъ сочиненіяхъ. Но небесная милость Божія отвела отъ меня руку смерти". Гоголь „почти выздоровѣлъ". Но чувствуя, что всетаки его „жизнь на волоскѣ", онъ самъ сдѣлалъ извлеченія изъ своихъ писемъ, которыя удалось ему собрать, вернуть отъ друзей, и напечаталъ ихъ, все съ той же опредѣленною цѣлію—чтобы успѣть „хоть что нибудь сдѣлать, хотя чѣмъ нибудь принести пользу родинѣ и своимъ соотечественникамъ", тѣмъ болѣе, что „никогда еще доселѣ, пишетъ онъ, не питалъ я такого сильнаго желанія быть полезнымъ". Такъ появились въ печати „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", книга, полная тѣхъ мыслей, взглядовъ и сужденій Гоголя, которые легли въ основу его и поэтической дѣятельности, стали краеугольнымъ камнемъ „Мертвыхъ душъ".

Не касаемся пока вопроса о качествахъ и состоятельности этой книги; въ данномъ случаѣ для насъ важенъ пріемъ, который встрѣтила эта книга въ критикѣ и публикѣ. Недостойный и несправедливый, пріемъ этотъ и повлекъ за собою роковыя, въ высокой степени печальныя слѣдствія. Именно эта-то книга писемъ Гоголя и послужила непосредственнымъ поводомъ къ нареканіямъ на Гоголя и, въ глазахъ современниковъ, будто бы явною уликою сумасшествія Гоголя. Съ пылкимъ изступленіемъ совсѣмъ неглубокомыслящаго въ этомъ случаѣ человѣка, Бѣлинскій, самъ, не-

счастный, въ послѣднемъ градусѣ чахотки, накинулся на Гоголя. А слово Бѣлинскаго очень долго и послѣ, а тѣмъ болѣе въ ту пору было закономъ, гласомъ непреложной истины въ литературныхъ и читающихъ кругахъ. Можно просто изумиться, перечитывая теперь взведенныя на Гоголя обвиненія: его, мнимаго либерала, жестоко и безпощадно судили и бичевали, очевидно, за проведенные имъ въ книгѣ религіознонравственные принципы, за его свѣтлыя мысли и сужденія о Церкви, о значеніи православія и т. д.; его разносили за то, что онъ свернулъ съ пути гражданскообличительной сатиры; его винили не только за то, что есть въ книгѣ, а даже и за то, чего не было, не доставало въ книгѣ, напр. за то, что Гоголь, касаясь вопроса объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, не высказалъ протеста противъ крѣпостного права, и т. д. И вотъ за такія-то вины какъ рѣзко и ожесточенно ополчились на Гоголя люди безспорно хорошіе, талантливые и даже друзья, прежніе поклонники Гоголя! Не говоря ужъ о Бѣлинскомъ, который въ письмѣ къ Гоголю обозвалъ книгу его „позорною“ и самого автора называлъ „проповѣдникомъ кнута, невѣжества, поборникомъ мракобѣсія“ и т. д., даже напримѣръ С. Аксаковъ, человѣкъ и по возрасту, да и въ мышленіи болѣе спокойный и обстоятельный, писалъ къ сыну своему Ивану Сергѣевичу въ Калугу по поводу выхода въ свѣтъ книги Гоголя, что самое благопріятное предположеніе то, что Гоголь сошолъ съ ума, иначе-де его пришлось бы назвать болѣе жестокимъ словомъ. Въ другомъ письмѣ къ тому же сыну Акса-

ковъ пишетъ: „мы не можемъ молчать о Гоголѣ, мы должны публично порицать его.... Я думалъ, что вся Россія дастъ ему публичную оплеуху. Книга его вредна, она проникнута лестію, страшной гордостію“ и т. д. Аксаковъ возводитъ на Гоголя даже совершенно несообразныя обвиненія, въ родѣ того напримѣръ, что будто бы Гоголь въ письмахъ обнаружилъ свое нечистое женолюбіе, что онъ льститъ женщинѣ, ея красотѣ,—это умирающій-то человѣкъ, который и въ молодости всегда удалялся отъ женщинъ! Аксаковъ усматриваетъ въ Гоголѣ склонность къ католицизму,—это въ преданнѣйшемъ-то сынѣ церкви православной!... Можно себѣ представить нравственныя мученія, какія долженъ былъ испытывать Гоголь, выслушивая и перечитывая всѣ эти глумленія и словесныя заушенія, оплеванія. Какъ ни глубоко проникнутъ онъ былъ христіанскимъ смиреніемъ, всетаки, какъ писатель, живший своими сочиненіями, убѣжденіями и идеалами, да при его еще крайней нервности, болѣзненной впечатлительности, могъ ли онъ равнодушно выносить этотъ позоръ своихъ убѣжденій и идеаловъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, особенно теперь-то, въ эту пору, онъ такъ установился, въ которые такъ неуклонно увѣровалъ и которые такъ страстно желалъ внушить другимъ? „Какъ ни крѣплюсь, какъ ни стараюсь быть хладнокровнымъ“, пишетъ Гоголь, но „душа моя уныла, сердце мое разбито, дѣятельность моя отнялась!“

Не будемъ слѣдить за подробностями этого похода на полуумирающаго человѣка, похода, который велся ожесточенно въ печати и въ массѣ писемъ къ Гоголю,

и который, какъ извѣстно, пережилъ Гоголя, доселѣ еще удерживаетъ за именемъ его титулъ сумасшедшаго. Во всякомъ случаѣ, этотъ несправедливый и столь жестокій ударъ дѣйствительно добилъ Гоголя, — по словамъ Тургенева, „неизлечимой раной залегъ въ сердце Гоголя“. И хотя Гоголь — еще больше послѣ такого горя углубившійся въ себя и еще съ болѣе горячей жаждою искавшій утѣшенія въ религіи — хотя онъ и продолжалъ свою работу надъ „Мертвыми душами“, заканчивалъ 2-й томъ, его тщательно отдѣлывалъ, тѣмъ не менѣе та нравственная, симпатическая связь, что всегда связываетъ, духовно сближаетъ публику съ писателемъ и такъ всегда поддерживаетъ силы и энергію въ послѣднемъ, связь эта порвалась: Гоголь извѣрился въ возможности оказать какую либо нравственную помощь и пользу другимъ; самые чистые, святые его порывы и стремленія были отвергнуты, опозорены этими другими, и Гоголь дѣйствительно сталъ даже сомнѣваться въ себѣ самомъ, въ своемъ призваніи, какъ писателя, избранника съ преимущественными богодарованными талантами. Тѣмъ, конечно, съ большею основательностію Гоголь могъ усомниться въ успѣхѣ своего новаго труда, въ его пріемѣ критикою и въ отношеніи къ нему публики; поэтому Гоголь долго медлилъ выпускать готовый 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“ — долго, пока не настали для него минуты, когда пришлось подводить уже окончательные счеты со всѣмъ земнымъ, когда онъ, одинокій съ своею душою, чужой для всѣхъ отвергшихъ его людей, уже занятый небомъ, не землей, за два дня до кончины, собствено говоря въ пред-

смертной агоніи, сжегъ со всѣми своими бумагами и эту рукопись.

Такъ погибло величайшее твореніе нашего, можетъ быть, самаго великаго генія, человѣка, который, сохраняя въ себѣ всю силу и свѣжесть дара поэтическаго, достигъ и небывалаго еще для нашихъ поэтовъ высшаго просвѣтленія умственнаго, духовнаго; погибло твореніе, въ которомъ Гоголь полагалъ смыслъ своего существованія, цѣль своего призванія, и которое самъ Гоголь, считавшій такъ увлекающія насъ теперь первыя его работы ничтожными, назвалъ „вѣнцемъ“ своихъ твореній: „Я было такъ много дѣльнаго уяснилъ себѣ и изложилъ тамъ“, въ слезахъ сказалъ Гоголь вошедшему хозяину своей квартиры, указывая уже на испепелившіеся въ печкѣ листы: „это былъ вѣнецъ моей работы“. Виновно въ этой утратѣ было общество русское, въ лицѣ его передовыхъ представителей, которые не хотѣли понять Гоголя или тенденціозно отвергли его, отвернулись отъ него. Ясное дѣло, Гоголь осужденъ былъ, вѣденіемъ или невѣденіемъ современниковъ, за достигнутый путемъ тяжелаго душевнаго воспитанія и самоанализа высокій строй его христіанскаго и патріотическаго мышленія, за его благочестіе и религіозность, что оказалось такъ несвоевременнымъ и непріятнымъ особенно въ ту пору, пору усиленнаго либерализма и западничества, пору Герцена и его проповѣди отрицанія христіанской нравственности.

Вѣдь за высоту христіанскихъ воззрѣній, за проповѣдь религіозныхъ и патріотическихъ идеаловъ и послѣ попрекали у насъ достойнѣйшихъ людей Россіи,

каковы напр. были Хомяковъ, братья Аксаковы, Кирѣевскій и прочіе „славянофилы“, „мистики“, „квасные патріоты“, какъ ихъ старались язвить подобными наименованіями. За то же не мало доставалось потомъ ближайшему ученику Гоголя Достоевскому, да досталось бы, вѣроятно, и Пушкину, поживи онъ подольше, такъ какъ къ тому же настроенію видимо и онъ склонялся. Весьма любопытную и знаменательную параллель въ этомъ отношеніи выставляетъ и наше, переживаемое теперь, время: Гоголь, за его проникновеніе въ глубь и высь христіанскаго идеализма, встрѣтилъ въ современномъ ему обществѣ полное недовѣріе, отрицаніе и порицаніе, а пресловутому кумиру полуинтеллигентной толпы нашихъ дней—за ниспроверженіе христіанства, за возмутительный скандалъ въ дѣлѣ святой вѣры нашей—слѣпое вниманіе, почетъ, поклоненіе. Недалеко, очевидно, шагнули мы за минувшее пятидесятилѣтіе, и если шагнули, то едвали впередъ.... Невольно припоминается здѣсь замѣчаніе Гоголя, поразительно исполнившееся на немъ самомъ: „Поди ты, сладь съ человѣкомъ! Пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное какъ день, все проникнутое высокой мудростію простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу“.

VI.

Но не все же изъ созданнаго Гоголемъ во второй періодъ его жизни погибло; къ счастію, спасся намъ

хоть этотъ предварительный-то трудъ его, такъ сказать, пробный камень, который, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ обстоятельствъ и побужденій, Гоголь успѣлъ издать своевременно: его письма и вызванная изданіемъ ихъ его „Авторская исповѣдь“. Правда, сочиненія эти приписаны были психическому разстройству автора и заклеймены общимъ негодованіемъ, но мы уже видѣли, что такое отношеніе къ названнымъ сочиненіямъ Гоголя, въ самомъ лучшемъ предположеніи, есть несознанное недоразумѣніе, и недоразумѣніе это такого свойства, что, по мѣткому слову А. Григорьева, остается оно „вѣчнымъ стыдомъ русской критики“.

Конечно, я не имѣю возможности подробно говорить о содержаніи послѣднихъ сочиненій Гоголя, которыя еще ждутъ своихъ изслѣдователей и хранятъ въ себѣ пока сырой матеріалъ, еще не обслѣдованное богатое наслѣдство отъ Гоголя. Я по необходимости ограничусь теперь общимъ заявленіемъ относительно этихъ сочиненій. При всей случайности своего содержанія—что это письма, писанныя къ разнымъ лицамъ, въ разное время, по разнымъ побужденіямъ,—послѣдній томъ Гоголя представляетъ въ себѣ произведеніе въ своемъ родѣ замѣчательное, великое. Тутъ много страницъ вдохновенныхъ, геніальныхъ и цѣлое богатство мыслей поразительно сильныхъ и правдивыхъ. Книга эта вводитъ насъ, такъ сказать, въ центръ интересовъ и вопросовъ религіозныхъ, нравственныхъ и патріотическихъ, всецѣло собою занявшихъ мощный умъ великой души Гоголя. Тутъ Гоголь, собственно первый у насъ изъ свѣтскихъ поэтовъ-писателей, заго-

ворилъ серьезно и съ глубокимъ пониманіемъ дѣла о православной вѣрѣ, объ отношеніи къ ней современнаго прогресса и о значеніи послѣдняго, о превосходствѣ христіанства предъ наукой и философіей человѣческой, о великомъ значеніи церкви и духовенства въ дѣлѣ духовнаго обновленія Россіи. Тутъ со всей силою поэтическаго одушевленія выступаютъ патріотическія святорусскія убѣжденія Гоголя, его глубокая вѣра въ національныя силы народа русскаго и въ свѣтлое будущее православной Россіи. Между прочимъ Гоголь касается здѣсь и разныхъ соціальныхъ вопросовъ, заводитъ рѣчь о нѣкоторыхъ временныхъ нуждахъ жизни русской, своимъ мудрымъ взглядомъ и мѣткимъ словомъ освѣщаетъ взаимныя отношенія половъ, сословій и т. д.; но преимущественно мысль Гоголя возвышается отъ предметовъ земныхъ и преходящихъ къ предметамъ вѣчнымъ, составляющимъ основу жизни, къ вопросамъ совѣсти и чувства, религіи и нравственности. Книга эта заключаетъ въ себѣ богатѣйшій и непререкаемый матеріалъ для выясненія личности самого Гоголя и, въ то же время, даетъ несравненный комментарій ко всѣмъ вообще его твореніямъ. Въ послѣднихъ содержаніе души автора заслонено поэтическимъ ковромъ, тутъ-же явно и неприкровенно во всемъ сквозитъ высокая личность автора и, можно сказать, въ каждой строкѣ свѣтятся и отражаются его душевныя доблести. Своеобразная поэзія этой книги чувствуется сердцемъ и должна быть близка, понятна и дорога всякому истинно-русскому православному человѣку. Правда, на всемъ въ этой книгѣ господствуетъ до-

вольно однообразный, монотонный фонъ грусти, меланхоліи, но теплая задушевная вѣра автора скрашиваетъ эту меланхолію, такъ что получается не безотрадный и угнетающій пессимизмъ, а только подкупающій своею искренностію, вдумчивый и завлекательный лиризмъ Гоголевскій. Младенчески чистое и любящее Бога и ближнихъ сердце автора обнаруживается здѣсь въ самой обаятельной формѣ и высказывается со всею увлекательною непосредственностію въ мысляхъ сколько глубокихъ и мощныхъ, столько же трогательныхъ и задушевныхъ. Какъ „вечерній звонъ“ великой души Гоголя, послѣднія сочиненія его вызываютъ непредубѣжденнаго читателя на безконечныя размышленія и всегда доброе, полезное раздумье: тутъ такое богатство благихъ мыслей и чувствованій, что ихъ ни собрать, ни исчерпать. Въ этой книгѣ заложена сила, на которую слѣдуетъ обратить вниманіе и которая— хочется вѣрить—рано или поздно явится міру и произведетъ благотворное броженіе въ головахъ современнаго извѣрившагося и духовно мятущагося человѣчества. Книга эта со временемъ должна занять видное мѣсто въ исторіи русскаго самосознанія, — она имѣетъ свое будущее.

Но вѣдь богатая книга писемъ мыслителя - богослова была только прологомъ къ поэмѣ, которую такъ тщательно отдѣлывалъ Гоголь; это была только, такъ сказать, программа главныхъ мыслей, тезисовъ, раскрытыхъ имъ образно въ его художественной работѣ. Впрочемъ, ни на минуту не переставая быть художникомъ, Гоголь и въ письмахъ своихъ даже отвлеченныя

мысли и религіозныя понятія постоянно облекаетъ въ конкретные, чувственные образы и вообще придалъ своимъ письмамъ тотъ острый, полный жизни и движенія характеръ, который всѣхъ удивилъ, перепугалъ и многихъ такъ озлобилъ. Но Гоголь занятъ былъ тогда новымъ творчествомъ; слова его писемъ, дышавшія умственной страстію, были живымъ отголоскомъ поэтическихъ вдохновеній, заполнявшихъ его душу. Имъ создавался новый видъ поэзіи духовнаго типа, въ которой съ чувственной ясностію, въ образахъ и лицахъ, должна была выступить предъ читателями великая правда нашей жизни и нашей вѣры. Въ одномъ изъ замѣчательныхъ своихъ писемъ, гдѣ рѣчь идетъ о русскомъ искусствѣ, Гоголь опредѣленно сказалъ, что поэзія должна выйти на новую дорогу, что на все земное и человѣческое истинный представитель искусства долженъ взглянуть изъ подъ новаго угла зрѣнія. Опытъ именно такого новаго творчества Гоголь и осуществлялъ въ тишинѣ, одиночествѣ, среди молитвеннаго энтузіазма, сильнаго нервнаго возбужденія и подъема его художественной натуры. Судя по всѣмъ намекамъ Гоголя на содержаніе его „Мертвыхъ душъ“, онъ поставилъ себѣ задачею изобразить русскаго человѣка со всѣмъ разнообразіемъ духовныхъ богатствъ, дарованныхъ ему Провидѣніемъ преимущественно предъ другими народами, а также и съ множествомъ недостатковъ, въ которыхъ русскій человѣкъ не отсталъ отъ иностранцевъ. Гоголь находилъ въ себѣ достаточный запасъ лирической силы въ живыхъ, увлекательныхъ образахъ и во всей поэтической красотѣ

изобразить нравственныя доблести и духовныя совершенства человѣка, чтобы вдохновить русскихъ людей еще большею любовью къ нимъ, а съ другой стороны, силою смѣха юмористическаго и посредствомъ яркаго изображенія пороковъ и недостатковъ человѣческихъ, Гоголь стремился внушить всѣмъ болѣе сознательное и дѣятельное негодованіе и отвращеніе къ послѣднимъ. Впрочемъ, сочиненіе это безвозвратно погребено и потому говорить что либо объ его содержаніи и трудно, да, къ величайшему сожалѣнію, ужъ и безполезно.

Объ уничтоженіи второй редакціи второго тома „Мертвыхъ душъ“ приходится жалѣть тѣмъ сильнѣе, что, по имѣющимся даннымъ, это было твореніе, дѣйствительно, великое, необыкновенное. Самъ Гоголь многократно и убѣжденно заявлялъ, что извѣстная намъ первая часть его „Мертвыхъ душъ“ есть не болѣе, какъ только „грязное крыльцо“ къ созидаемому имъ зданію. Но еще конечно важнѣе для насъ и убѣдительнѣе восторженные отзывы о погибшей книгѣ Гоголя людей постороннихъ, которые имѣли счастливый случай хоть немного съ нею познакомиться. Таковы отзывы Аксаковыхъ: знаменитаго русскаго публициста, умнѣйшаго человѣка — Ивана Сергѣевича и его отца, Сергѣя Тимоѳеевича. Послѣдніе были изъ числа очень немногихъ лицъ, которыхъ Гоголь, ставшій, вслѣдствіе извѣстнаго отношенія къ нему критики и публики, особенно скрытнымъ и подозрительнымъ, познакомилъ съ своею поэмою, и притомъ познакомилъ онъ ихъ только въ отрывкахъ и только благодаря случайности. Въ концѣ 1849 года Гоголь былъ у Аксаковыхъ. Между

прочимъ попросили его прочитать что нибудь изъ его сочиненій; но книги подъ руками не оказалось, и Гоголь неожиданно, къ великому всѣхъ изумленію, предложилъ прочитать что нибудь изъ второго тома „Мертвыхъ душъ“. Онъ вынулъ изъ кармана большую тетрадь, и прочиталъ, какъ оказалось, первую главу этого тома. Нѣсколько позднѣе, въ январѣ 1850 года, Гоголь, уступая настойчивымъ просьбамъ, прочиталъ Аксаковымъ еще вторую главу, — вотъ и все, что кто либо и когда либо слышалъ изъ новаго творенія Гоголя [1]). И вотъ эти преинтересные для насъ отзывы и мнѣнія о таинственной книгѣ, которая на вѣки остается неразрѣшимымъ иксомъ и по поводу только намѣренія писать которую ея автора уже объявили и доселѣ славятъ сумасшедшимъ. И. С. Аксаковъ до такой степени увлеченъ былъ высокимъ и именно художественнымъ достоинствомъ слышанной имъ первой главы, что, не ограничиваясь личнымъ обмѣномъ впечатлѣній съ отцомъ своимъ, написалъ къ нему на другой же день особое письмо. Въ послѣднемъ онъ сообщаетъ отцу, что даже ночью не могъ спокойно спать отъ волненія, вызваннаго чтеніемъ Гоголя: „Спасибо Гоголю! Все читанное имъ выступало предо мною отдѣльными частями, во всей своей могучей красотѣ.... До такой степени превосходства дошолъ онъ, что всѣ другіе (писатели) предъ нимъ—пигмеи“. Чрезъ нѣсколько

---

[1]) Есть, впрочемъ, нѣкоторыя данныя заключать, что Аксаковы слышали въ чтеніи Гоголя и еще одну или двѣ изъ слѣдующихъ главъ поэмы.

дней Иванъ Сергѣевичъ снова пишетъ къ отцу и опять о восхитившей его первой главѣ второго тома „Мертвыхъ душъ“: „все въ ней такъ глубоко, могуче и огромно, что духъ захватываетъ!“ [1]). А потомъ, о впечатлѣніи, какое вынесъ Иванъ Сергѣевичъ отъ слушанія второй главы сохранилось его письмо къ Тургеневу. Тутъ онъ пишетъ: „когда я присутствовалъ при чтеніи второй главы изъ 2-го тома „Мертвыхъ душъ“, то мнѣ дѣлалось страшно: тамъ каждая строка казалась написанною кровью и плотью, всею его (автора) жизнію: казалось, Гоголь принялъ въ свою душу всю скорбь Россіи“ [2]).

Но авторъ вышеприведенныхъ словъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, всегда былъ и оставался поклонникомъ Гоголя, онъ—одинъ изъ немногихъ — не участвовалъ и въ травлѣ, предпринятый на Гоголя за изданіе его писемъ. Поэтому, для насъ гораздо важнѣе и внушительнѣе, ужъ конечно чуждые и тѣни пристрастія и лицепріятія, отзывы о второй части „Мертвыхъ душъ“ Аксакова-отца. Припомнимъ, это тотъ самый Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, который обвинялъ Гоголя въ лести, въ страшной гордости, подъ личиной смиренія, который приглашалъ всѣхъ „публично поругать Гоголя“, даже призывалъ всю Россію къ „публичной оплеухѣ“ Гоголю. Самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ признается, что онъ началъ слушать чтеніе первой главы второго тома „Мертвыхъ душъ“ съ предубѣжденіемъ: „не могу выразить, пишетъ онъ, что сдѣлалось съ нами“ (когда

---

[1]) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. II, стр. 272 и пр.

[2]) Рус. Обозр. 1894 г. № 8.

Гоголь извлекъ „изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь“). Я былъ совершенно уничтоженъ: не радость, а страхъ, что я услышу что нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь и самъ былъ сконфуженъ“, добавляетъ Аксаковъ. Еще бы, предъ такимъ-то строгимъ слушателемъ, безпощаднымъ судьею!... Но впечатлѣніе получилось совершенно неожиданное. Правда, Аксаковъ не расплывается въ отзывѣ, испытывая, вѣроятно, всю неловкость прежняго своего поведенія по отношенію къ такъ зло обиженному имъ другу своему; но тѣмъ не менѣе какъ нельзя больше рѣшительно и опредѣленно заявляетъ: „съ первыхъ же страницъ (чтенія) я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и— пришолъ въ совершенный восторгъ“. А потомъ, вторая глава привела Сергѣя Тимоѳеевича въ еще большій восторгъ: теперь ужъ онъ не въ состояніи удержаться, что бы не подѣлиться и заочно впечатлѣніями съ сыномъ, Иваномъ Сергѣевичемъ, и пишетъ ему: „Что тебѣ сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не могъ удержать слезъ.... Такого высокаго искусства—показать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону—нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только *убѣдился я вполнѣ*, что Гоголь *можетъ выполнить свою задачу*, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говоритъ въ первомъ томѣ. Я сказалъ Го-

голю и повторяю тебѣ, что теперь остается для насъ только одно: молиться Богу, чтобы Онъ далъ ему здоровья и силъ окончательно обработать и напечатать свое высокое твореніе. Что за образы! Что за картины природы!... Гоголь хотѣлъ прочесть и третью главу, но у него не достало силъ. Да, много должно сгорѣть жизни въ горнилѣ, изъ котораго истекаетъ такое чистое золото". Аминь!—только и можно отъ себя добавить къ этимъ словамъ Аксакова. Повторяю, это свидѣтельство Аксакова для насъ въ высшей степени должно быть цѣнно, дорого. Кто знаетъ, кто слышалъ эти слова, для того Гоголь возстаетъ въ истинномъ его свѣтѣ, и „оклеветанное имя его" возстановляется во всей его чистотѣ и высотѣ. Гоголя опозорили, обвинили, кто въ сумасшествіи, кто въ недоразвитости [1]), и всѣ вообще—въ чрезмѣрной гордости, въ непосильныхъ потугахъ совершить что-то особенное, великое; и вотъ эти слова одного изъ злѣйшихъ обвинителей Гоголя удостовѣряютъ, что задуманное Гоголемъ великое было посильно ему и что это великое даже было такъ блестяще исполнено имъ.

Приведу, въ заключеніе, только еще одно сообщеніе о Гоголѣ, уже за послѣдніе дни его жизни, сообщеніе, также весьма авторитетное и для насъ знаменательное. Самый великій изъ учениковъ и преемниковъ Гоголя, Тургеневъ, усвоившій цѣликомъ манеру и пріемы Гоголевскаго натурализма, но, какъ и другіе тогда, не сочувствовавшій духовному настроенію Гоголя и даже, наряду

---

[1]) Напр. Чернышевскій.

съ другими, „привѣтствовавшій фіаско“ книги писемъ Гоголя, оставилъ намъ однако свидѣтельство того, что Гоголь до послѣднихъ дней своихъ оставался неизмѣнно великимъ художникомъ-поэтомъ и глубокимъ мыслителемъ. Тургеневъ видѣлся съ Гоголемъ въ послѣднихъ числахъ октября 1851 года, значитъ уже въ предсмертные дни послѣдняго; и вотъ общій итогъ впечатлѣній, вынесенныхъ отъ этой встрѣчи съ человѣкомъ, какъ насъ хотѣли увѣрить и какъ еще доселѣ упрямо твердятъ намъ, ненормальнымъ, полусумасшедшимъ, маніакомъ: „Великій поэтъ и художникъ былъ предо мной“!.... Вспоминая, далѣе, разговоръ свой съ Гоголемъ и его мысли и сужденія о значеніи литературы, о призваніи писателя и отношеніи его къ своимъ произведеніямъ, о процессѣ работы и пр., Тургеневъ добавляетъ: „я слушалъ его съ благоговѣніемъ, даже когда и не соглашался съ нимъ“ [1]). Не даромъ Тургеневъ, одинъ изъ очень немногихъ, откликнулся на грустную вѣсть о кончинѣ Гоголя такимъ, можно сказать, рыданіемъ слезнымъ, въ особомъ письмѣ, которое послалъ онъ въ хоронившую Гоголя Москву (напечатано было въ Московскихъ Вѣдомостяхъ).

Нужно ли послѣ всего вышесказаннаго еще выяснять и доказывать, что̀ потеряли мы въ послѣднемъ твореніи Гоголя и чего вообще лишилась Россія въ самомъ Гоголѣ?!

---

[1]) Соч. Тургенева, изд. 3-е т. X, стр. 67 и 68.

Гоголь умеръ не понятый, отвергнутый и оскорбленный въ своихъ самыхъ высокихъ, святыхъ стремленіяхъ; ему не дали свободно и спокойно высказаться, и онъ унесъ съ собой въ могилу свои высокія думы, геніальныя откровенія. Если не задолго предъ тѣмъ, пуля чужого проходимца, вскормленнаго нашимъ русскимъ благодушіемъ, по нашему же русскому попустительству безвременно загасила величайшій свѣточъ русской земли, то и тутъ, въ одинокомъ, безславномъ угасаніи этого другого, великаго свѣточа русскаго не меньше виновно наше общество. Тѣнь страдальца поэта укоризненно высится надъ виновною предъ нимъ родиною, высится, по словамъ Достоевскаго, какъ нѣкій „демонъ смѣха“. Но кажется, гораздо ближе будетъ къ истинѣ сказать, что это былъ не демонъ смѣха, а ангелъ, добрый геній Россіи, носитель и глашатай любви, христіанскаго совершенства, живой образъ самоотверженія и высокаго подвижничества. „Обо мнѣ много толковали, разбирая кое какія мои стороны, говоритъ самъ онъ, но главнаго существа моего не опредѣлили“. Да, глубокое раздумье внушаетъ доселѣ неуясненная личность нашего поэта-христіанина и это упрямое, застарѣлое въ обществѣ и даже въ наукѣ относительно его недоразумѣніе. Надъ грустной участью Гоголя и надъ геніемъ его глубоко задумается и послѣ насъ еще не одно поколѣніе....

Правда, уже нѣсколько поколѣній довольно равнодушно и безучастно прошло надъ полузабытою могилою Гоголя, но насталъ же наконецъ—и

именно сегодня—свѣтлый день, когда покроется эта могила цвѣтами благодарной любви, и духъ упокоившагося въ ней можетъ утѣшиться общенароднымъ вниманіемъ и признательностію. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ Россія въ этотъ день пережила въ смерти Гоголя великую утрату, а сегодня, уже безъ остраго чувства скорби, мы торжествуемъ великое пріобрѣтеніе, какое имѣла Россія въ Гоголѣ и въ его поэтическомъ и умственномъ творчествѣ. Притомъ, Гоголь скончался, по нашему человѣческому суду, святымъ человѣкомъ,—тѣмъ болѣе, поэтому, тризна наша по немъ не можетъ быть мрачною и безотрадною, а должна облечься въ свѣтлыя, праздничныя формы, должна обратится въ свѣтлое торжество всенароднаго признанія заслугъ великаго въ его духовной праведности человѣка-христіанина и славнаго въ его созданіяхъ русскаго генія-поэта. Если Гоголь для насъ, собственно говоря, никогда не умиралъ, потому что еще съ дѣтства каждаго изъ насъ онъ нашелъ себѣ пріютъ въ нашемъ сердцѣ, то нынѣ особенно ярко уже для всѣхъ, на весь міръ, разгорается для него заря безсмертія. Нынѣшнимъ общимъ поминовеніемъ Гоголь какъ бы вызывается въ среду живыхъ русскихъ людей, и отселѣ все больше и больше будетъ онъ возрождаться и расти въ глазахъ и вниманіи по времени удаляющихся отъ него поколѣній. Сегодня къ нему самому какъ нельзя больше примѣнимы слѣдующія его слова, которыми они вообще характеризуетъ связь и духовное родство великаго генія съ толпою людскою: „внемлютъ ему и мудрые цари, и глубокіе правители, и прекрасные

старцы, и полные благородныхъ стремленій юноши; стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одного человѣка; всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи,—и гремитъ дружнымъ рукоплесканіемъ благодарный гимнъ тому, котораго ужъ 50 лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ.... Слышатъ-ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? Отзывается-ли на это душа его, терпѣвшая суровое горе жизни?!“ — Отвѣтимъ: если не слышатъ кости, то, вѣруемъ, душа нашего великаго поэта на отверзтыя теперь къ нему сердца и чувства наши отзывается и радуется.

Съ нынѣшняго дня, кстати, Гоголь становится общимъ для всѣхъ достояніемъ и въ томъ смыслѣ, что книги, сочиненія его выходятъ изъ правъ частной собственности и дѣлаются общимъ наслѣдствомъ. Вслѣдствіе этого общерусская семья Гоголя еще больше расширится, связь его съ родной страной и народомъ своимъ сдѣлается еще короче и тѣснѣй. Громче и громче будетъ раздаваться по лицу земли родной имя ея великаго сына; чаще и чаще люди русскіе будутъ вспоминать эту славу и гордость свою—Гоголя, пока не настанетъ новый день торжества и свѣтлыхъ почестей ему, тотъ день, когда единственный вещественный памятникъ Гоголю—скромная плита могильная, прикрывающая прахъ его въ Даниловѣ монастырѣ—не восполнится другимъ, величественнымъ монументомъ Гоголю и когда у подножія любимца своего соберется снова вся его великая семья святорусская. Пока, къ сожалѣнію, нѣтъ въ Россіи достойнаго памятника Го-

голю, но еще въ 1880 году, еще на Пушкинскомъ торжествѣ, поднятъ вопросъ о памятникѣ; онъ, безусловно, долженъ быть и конечно онъ будетъ.

Впрочемъ, что будетъ, то Богъ дастъ, а пока нельзя нарадоваться тому общему движенію, съ какимъ всѣми на Руси ожидался и встрѣченъ нынѣшній день. На всѣхъ концахъ Россіи справляется теперь торжественная тризна родному генію. Всѣ мы русскіе люди единомысленно и единодушно сошлись сегодня подъ однимъ знаменемъ дорогого для всѣхъ насъ имени. Великій поэтъ есть именно знамя народное, воплощеніе сознанія народнаго, откровеніе его самобытнаго духа и, въ то же время, крѣпкая связь націи, ея мощная духовная охрана. И такіе праздники въ честь родныхъ геніевъ, доставляя намъ минуты высокаго нравственнаго удовлетворенія, не проходятъ даромъ, не пропадаютъ безслѣдно: они питаютъ нашу національную гордость и созидаютъ въ насъ могущественную и реальную силу любви къ своему отечеству; они облагораживаютъ, очищаютъ духовную атмосферу нашу и, тѣснѣе сплачивая, сближая все мыслящее общество, воскрешаютъ въ немъ идеалы, завѣщанные великими людьми; они, наконецъ, являются въ большей или меньшей степени нравственными точками къ духовному пробужденію, отрезвленію, даютъ намъ, людямъ заурядным, недальновиднымъ и потому такъ часто заблуждающимся, сбивающимся съ пути, даютъ поводъ осмотрѣться въ жизни, здравымъ, просвѣтленнымъ взоромъ взглянуть на себя и около.

А можетъ быть никогда еще потребность для русскихъ людей осмотрѣться, собрать свои развинченныя нервы, обдумать свои нестройныя дѣянія, дисциплинировать мысли и порывы не была такъ настойчива и ощутительна, какъ въ переживаемое нами настоящее время. Извѣстенъ афоризмъ великаго мыслителя русскаго, митрополита Московскаго Филарета: „Когда темнѣетъ на дворѣ, нужно усилить свѣтъ въ домѣ“. Кто станетъ отрицать, что на дворѣ у насъ, т. е. въ жизни, въ поведеніи и въ убѣжденіяхъ когда-то такъ именовавшихся „святорусскихъ“ людей темнѣетъ.... Тѣмъ, значитъ, крѣпче должны мы цѣпляться за то, въ чемъ имѣемъ источникъ свѣта, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ становятся великіе геніи поэты, наши учители и вдохновители, путеводные въ жизни нашей свѣточи. Въ чаду всевозможныхъ, такъ часто дурманящихъ головы теорій, ученій и вѣяній, въ хаосѣ нестройныхъ нашихъ порывовъ, стремленій и дѣйствій, въ сѣромъ туманѣ апатичной, безцвѣтной будневой нашей жизни—вдругъ изъ мглы прошлаго возстаетъ предъ нами величественная тѣнь поэта, и наше тревожное, безотрадное прозябаніе озаряется лучами его яснаго, спокойнаго духовнаго свѣта.... Да это вдвойнѣ драгоцѣнный гость нашъ, это намъ свѣтлый день радованія! Въ понятномъ восторгѣ, привѣтствуемъ мы дорогого пришельца въ наше лиховременье; разумомъ, совѣстью и сердцемъ отдыхаемъ въ созерцаніи его геніальнаго творчества и его высокаго учительства.

Да будетъ же нынѣшній день великаго Гоголя лучемъ свѣта въ потемкахъ современности! Преклоняемся

предъ вѣнчанною сегодня лаврами общенародной любви и ласки тѣнью генія-поэта, доставляющаго намъ высокое эстетическое наслажденіе и мыслителя-христіанина, оставившаго намъ еще неисчерпанное нами богатство мудрости и чистаго, живительнаго знанія! Благодаримъ его за все, все и—за нынѣшній день, столь для насъ содержательный, хорошій, знаменательный! Царствіе небесное его праведной душѣ, миръ его благородному праху и вѣчная память его славному имени! Если при жизни Гоголя, полстолѣтія тому назадъ, многіе русскіе люди, по неразумію, чуть ни рукоплескали мнимому паденію Гоголя, то теперь всѣ мы тѣмъ сильнѣе, искреннѣе. съ тѣмъ большимъ энтузіазмомъ будемъ рукоплескать его возрожденію, его въ памяти человѣчества безсмертію, его духовному и на землѣ воскресенію. Воистину „безсмертные не умираютъ“. Слава безсмертному Гоголю!

БИБЛІОТЕКА
КОМИТ[illegible] СКОЙ
АКАДЕМІИ.